

ДИАНА
ХАНТ

МАРГО
ГЕНЕР

СЕРДЦЕ ЧЕРНОЙ ПУСТОШИ

книга 3

18+

**Диана Хант
Марго Генер
Сердце Черной
Пустоши. Книга 3
Серия «Сердце Чёрной
Пустоши», книга 3**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31189622
SelfPub; 2022*

Аннотация

Вокруг леди Элизабет, принцессы Чёрной Пустоши, сгущаются тучи. Но когда на твоих плечах ответственность за целое королевство, права на ошибку нет. Заплатив немислимую цену за мир между королевствами, юный маг из Аварона продолжает верить в чудеса и искать любовь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	54
Глава 4	65
Глава 5	87
Глава 6	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Марго Генер, Диана Хант

Сердце Черной Пустоши. Книга 3

Глава 1

В Город-крепость мы прибыли уже к вечеру. Я с трудом понимала, что происходит и не воспринимала реальность. Меня кто-то вел, подхватывал под локти, переодевал. Все казалось нереальным. Перед глазами постоянно появлялось лицо мужа, правителя Черной Пустоши, Карла Сварта, которое медленно покрывается инеем, а потом и вовсе превращается в лед. В груди горело, словно туда бросили раскаленных углей, глаза не видели из-за слез, а дыхание сперло так, что для каждого вдоха приходилось делать усилие.

– Карл.... – шепнула я, когда кто-то уложил меня в постель.

– Карл... – снова повторила я, когда чьи-то руки насильно влили мне в рот что-то горькое.

Хотелось кричать и, наверное, я кричала потому, что кто-то бегал по комнате и пытался успокоить. Но я не понимала слов потому, что жгучая боль затопила сознание и с каждым

ударом сердца отдавалась в каждой клеточке.

Мне снова с силой влили в рот горечь, и я постепенно начала ощущать, как тело наполняется тяжестью, веки смыкаются, а в голове появляется густой туман, блаженный и спасительный.

Я провалилась в сон, но даже там видела хищное лицо Каравары и моего мужа, который ценой своей жизни спас меня, брата, и все королевство от вторжения тьмы через порталы. Я ощущала, как мечусь по подушкам, как волны жара и холода прокатываются одна за другой, и как дрожит все мое естество, когда хищный оскал хозяина льда становился слишком большим.

Утро ворвалось в мой кошмар, и успела мелькнуть мысль, что это действительно лишь кошмар. Сейчас я открою глаза, а рядом на постели мирно дышит его высочество, такой спокойный и умиротворенный во сне.

Я разлепила веки и с трудом повернула голову. Подушка оказалась пуста, и новая волна боли захлестнула с такой силой, что меня согнуло. В голове вспыхнуло, я завывала.

– Карл...

Что-то произошло со временем. Солнечный свет за окном стремительно поглощала тьма, но стоило ей воцариться и протянуть ко мне хищные ледяные щупальца, снова рассветало. Казалось, что по покоям стремительно передвигаются какие-то тени, похожие на моих камеристок, управляющего Альре, даже дворцового лекаря господина Вискольда. Они

были прозрачные, едва видимые, одинаково открывали рты, словно силились что-то сказать. Если бы могла, я бы рассмеялась, потому что тени не должны уметь говорить...

Мне было неинтересно смотреть на них, потому что мой принц лежал на своем месте в постели и спал. Я смотрела на его лицо, прислушивалась к дыханию. Ждала, когда проснется, чтобы поведать о кошмарном сне, который приснился, пока он спал. Я боялась пошевелиться, чтобы не потревожить его сон, отчего-то понимая, что муж устал и ему очень нужен покой.

Временами тени прислуги становились назойливыми, я слышала их голоса отдаленно, словно они силились ворваться в нашу с принцем реальность, пробиться из мира призраков. Но тьма за окном снова сменяла свет, и они оставляли нас. Я же ближе придвигалась к мужу, потому что точно знала – даже спящий, он защитит меня от ледяных щупалец, которые лезут в окно, скрывая оскал ледяного господина.

С каждой сменой света и тьмы, тени, которые пытались потревожить нас с принцем, становились все более прозрачными, словно солнечный свет истощал их. Со злорадством я ждала момента, когда они исчезнут окончательно, и никто не будет мешать стеречь сон мужа. Карл Сварт спал глубоким сном и дышал так тихо и размеренно, что в груди щемило от нежности, когда вглядывалась в каждую любимую черту, не в силах отвести взгляда и думать о чем-то другом.

А потом пришла боль. Что-то дернуло, кольнув в самое

сердце, и я ощутила, как последние силы оставляют меня.

Показалось, кто-то рыдает рядом.

– Диларион! Принцесса! Ваш зверь! Он умирает.... Он неделю не принимал пищи, принцесса, он ведь умрет! Диларион, – повторял рыдающий голос.

Я пыталась вспомнить, о каком звере говорят, но не могла. Для меня существовал только мой принц, и он спал.

Но рыдания становились все громче, и странное имя, которое казалось знакомым, "Диларион", повторялось все чаще. Одновременно с этим по телу растекалась боль, и настал момент, когда стала такой нестерпимой, что я завывала в голос.

В тот же миг опочивальня наводнилась множеством темных пятен, повисших в воздухе, комнату заполнили голоса, а принц исчез, словно его не было.

Мне некогда было раздумывать над этой переменной в реальности, потому что рядом со мной, на соседней подушке лежало крохотное зеленоватое тельце, такое маленькое и изможденное, что в груди кольнуло. Истинным зрением сразу увидела, что дракончик умирает.

– Дилари... – прохрипела я и вздрогнула от звука собственного голоса.

– Очнулась! Святое войско! Она говорит! Хвала богам! Принцесса, посмотрите на меня!

– Да говорите же с ней, говорите! Кажется, она слышит! Темное пятно приблизилось к самому лицу, и я поморщилась, чувствуя, что на это ушли все силы. Все же смогла

отвернуться, застонав от натуги и боли, и снова посмотрела на дракончика.

– Диларио... – снова прохрипела я, голос сорвался, а изнутри стрельнуло болью.

– Быстрее, настойку куррант дисектум, да быстрее же! – буквально прокричали над ухом, после чего влили что-то в рот.

Я поперхнулась, закашлялась, приподнимаясь на подушках, которые кто-то подложил под спину. Меня похлопали по спине, и снова влили в губы обжигающее горло пойло. Я снова конвульсивно дернулась, но на этот раз внутрь попало больше.

Мир взорвался болью. Казалось, внутри елозит огненными клешнями гигантский краб, безжалостно разрывая внутренности, а в глаза вставили железные штыри.

– Еще! – скомандовал все тот же голос. – И жемчужного порошка.

Мне казалось я дергаюсь, вырываюсь, бьюсь до последнего, отстаивая свое тело и право на отсутствие боли, и сладить со мной очень трудно. Но едва темные пятна вокруг превратились в людские лица, поняла, что едва шевелю руками и ногами.

Надо мной склонилось лицо дворцового лекаря, который, хмурясь, проговорил:

– Кризис миновал.

Опочивальня взорвалась радостным славословием, кото-

рое больно резануло слух. Должно быть, я поморщилась, потому что господин Вискольд шикнул, и все затихло.

– Больно, – прошептала я хрипло.

– Я знаю, ваша светлость, – ответили мне. – Слишком долго вы провели на грани между миром мертвых и миром живых. Ваше сознание жило, а тело решило, что вы умерли. Вы сейчас буквально оживаете заново, отсюда боль.

Я сомкнула веки, показывая, что услышала лекаря. И стоило узнать о своем состоянии, боль немного отступила. Первой мыслью, которая пришла на смену стремлению остановить пытку, оказалась мысль о дракончике.

Прилагая усилия, я повернула голову и увидела Дилариона, изможденного, с закрытыми глазами, который едва заметно вздрагивает от холода.

После слов лекаря я сразу поняла, что произошло. Должно быть, не смогла вынести горя, постигшего меня вместе со всей Черной Пустошью, и оставалась в мире живых только благодаря кровной привязке к питомцу. Диларион все время был рядом и отдавал мне все силы, но они закончились, и вместо того, чтобы прекратить вливание жизни в хозяйку, дракончик продолжил делиться последним, что у него было.

– Сколько я... – слабым голосом проговорила я и прервалась, когда вместе со словами ушли силы.

Господин Вискольд понял и ответил:

– Четырнадцать дней, – проговорил он, хмуря брови и кивая.

– Четырнадцать дней, – повторила я, понимая, что мой маленький питомец совершил невозможное.

– Есть, – попросила я одними губами.

Господин Вискольд сам поил меня куриным бульоном и кормил с ложки какой-то клейкой кашей. Стоило проглотить пару ложек, тело окрепло, слабо, но достаточно, чтобы держать ложку самостоятельно.

Делая над собой нечеловеческие усилия, я съела все, что подал господин Вискольд.

После этого, откинувшись на подушки, скользнула взглядом по комнате и, увидев Альре, кивнула. В ту же секунду управляющий оказался у моего ложа.

– Пусть отрубят голову курице и сцедят кровь в миску, – приказала я. – После отнесите в покои... В покои... В покои его высочества.

Последние слова я выдохнула, дернувшись от боли. Они прозвучали так обыденно, словно мой принц жив, словно не было этого страшного... на границе теплых и холодных земель.

Поклонившись, управляющий удалился.

К ложу приблизилась мистрис Одли и замерла, словно статуя, вглядываясь в мое лицо. Я поискала глазами Рамину, почему-то казалось важным увидеть ее, но зачем – не знала.

– Где Рамина? – спросила я старшую камеристку, и у нее задергался подбородок.

– Она... Она... Ее здесь нет, – забормотала она, избегая

смотреть мне в глаза.

Вперед вышла Лана и проговорила, не поднимая головы:

– Мы видели, как ее похитили, ваша светлость. Гвардейцы не смогли отбить ее.

– Пусть все уйдут, – сказала я Оре. – Все.

– Ваше высочество, позвольте хотя бы мне остаться и помочь вам, – забормотала мистрис Одли, чуть не плача. – Хотя бы с переодеванием?

– Все, – устало повторила я, и добавила: – Не волнуйтесь за меня. Да, я не хочу, не желаю жить. Но не допущу, чтобы из-за меня погиб Диларион. А он умрет, если промедлю хотя бы час.

Опочивальня опустела. Стиснув зубы и стараясь не орать от боли, которая, как голодный пожиратель, бросалась на каждое движение, я принялась подниматься с ложа.

– Потерпи, милый, – прохрипела я, глядя на безжизненное тельце дракончика. – Осталось совсем чуть-чуть.

Диларион не отреагировал на мои слова, и даже ощущение кровной связи не дрогнуло, а будто истончилось еще больше.

Не понимая, как это удалось, я спустила ноги с кровати и подхватила дракончика на руки. По сравнению с его прежним весом малыш уменьшился вдвое, зеленая шкурка стала тонкой и серой.

– Совсем чуть-чуть, – повторила я.

Прикосновение к умирающему питомцу словно отодвину-

ло собственную боль на задний план. Прижимая изможденное тельце к груди, я направилась к двери в покои принца. Вспомнилось, как совсем недавно не смела коснуться этой двери, а теперь, стоило надавить на ручку, она распахнулась передо мной.

Я послушно шагнула в полумрак незнакомых покоев и тут же вздрогнула, чувствуя родной запах мужа. Горьковатый, освежающий аромат силы и власти, смешанный с запахом химических реактивов.

– Карл, – еле слышно позвала я, словно принц вот-вот выйдет из омывальной или из двери, что ведет в гостиную комнату.

Стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не стало еще больнее, я миновала опочивальню и прошла в гостиную мужа, безошибочно учуяв истинным чутьем миску, полную свежей крови. Альре оставил то, что просила, на массивном столе рядом с несколькими отточенными перьями и стопкой бумаги, исписанной мелким почерком.

Я представила, как мудрый и могущественный Карл Сварт в последний раз садится за этот стол и пишет что-то, силясь сделать для Черной Пустоши столько, сколько сможет, но не знает, что делает это в последний раз. Картинка оказалась такой явной, что я замерла, затаив дыхание. На какой-то миг показалось, что его высочество сидит, склонившись, за столом, угольные пряди выбились из низкого хвоста и падают на лицо. Остальной мир вмиг померк, и я поняла, что сно-

ва оказалась на грани, разделяющей мир мертвых и живых. Это оказалось горько и упоительно одновременно, боль в теле тут же отступила, а грудь сдавило от нежности.

Если бы не крохотное тельце дракона-нетопыря в руках, я осталась бы тут навсегда, потому что лишь здесь чувствовала что-то похожее на прежнее счастье. Посмотрев на склонившегося над бумагами мужа еще несколько секунд, я силой заставила себя оторвать взгляд и встряхнуться.

Медленным шагом я приблизилась к столу и, закусив губу, села на стул с высокой спинкой, на котором несколько секунд назад сидел мой принц. Сладковатый запах свежей крови ударил в ноздри с такой силой, что я поморщилась. Но дракончик на руках даже не шелохнулся.

– Диларион, – позвала я, поднимая изможденное тельце к лицу. – Милый. Просыпайся.

Дракончик оставался неподвижен, а внутри что-то обрвалось, и сразу после этого тельце малыша стало холодеть.

– Просыпайся, Диларион, – проговорила я громче, отказываясь верить в происходящее.

Я осторожно потрясла тельце дракончика, и головка с крохотным гребешком безвольно замоталась.

– Диларион! – крикнула я в голос, но истинным чутьем знала, что меня не слышат.

– Не-ет! – закричала я, тряся дракончика. – Нет! Слышишь? Ты не можешь тоже оставить меня! Только не ты! Нет ты!

Я осторожно положила питомца рядом с миской крови в надежде, что запах сделает свое дело. Но Диларион не пошел. Не зная, что делать, оглянулась по сторонам, словно ждала, что кто-то поможет, подскажет мне.

Покои безмолвствовали. Только порыв ветра влетел в окно и закружил по комнате последние записи принца.

С силой ударив ладонями по столу, я заорала:

– Нет! Я запрещаю тебе умирать! Я запрещаю! Ты не смеешь оставить меня! Не смеешь оставить меня одну! Проснись сейчас же!

Я орала так громко, срывая голос, что в глазах потемнело, и я не сразу поняла, что дракончик вздрогнул. Неловкими, осторожными движениями он привстал и принялся лакать.

Облегчение, которое нахлынуло, едва поняла, что питомец будет жить, принесло неожиданный результат.

Я заорала в голос и кричала долго и страшно.

Потом принялась разбрасывать листы и перья, что уцелели после порыва ветра. Схватив в охапку с низкой полки книги и тетради, я принялась разбрасывать их по комнате, швырять в стены, в окно, на пол. Я громила покои мужа и выла о горя.

– Как ты мог, Карл?! – орала я раненым зверем. – Как мог оставить меня одну! Будь ты проклят, Карл! Будь тысячу раз проклят! Лучше ты станешь бесплотным призраком, чья цель существования – мучить того, кто его проклял, чем

навекы уйдешь в Чертоги на далекой Звезде! Я проклинаяю тебя! Как мог ты оставить меня одну?! Как мог оставить меня здесь?

Я кричала и кричала, продолжая громить покои мужа, голос срывался, тело корчилось от боли. Я отбивала ладони о пол и о стены, била в кровь костяшки пальцев, но не могла остановиться. Я кричала самые обидные обвинения в адрес мужа, проклинала его снова и снова, а затем умоляла простить меня и звала вернуться.

– Пожалуйста, любимый, пожалуйста, – как в бреду повторяла я. – Умоляю, вернись, хоть на пару мгновений, хоть на миг... Лишь бы эта боль прекратилась, и я могла почувствовать себя лучше... почувствовать себя лучше... почувствовать себя лучше... лучше... лучше... на миг.

Казалось, это продолжалось вечно...

Я подняла голову со сложенных рук и поняла, что лежу на полу, а за окном давно стемнело. Диларион лежит рядом, у моего лица и тихонько поскуливает, как побитый щенок.

Со стоном я поднялась, подбирая питомца и прижимая его к груди. Затем отправилась в гардеробную мужа и сорвала с вешалки первый из нарядов, какой увидела. Прижимая к себе питомца и какие-то вещи, которые источали родной запах, я забралась в холодную, почти ледяную постель мужа, и, тихонько подвивая, уснула.

Разбудило меня деликатное покашливание. Прежде, чем открыть глаза, вспомнила все, что произошло вчера, и что

заснула в покоях мужа.

Открыв глаза, увидела мистрис Одли и Альре у постели. В руках мистрис Одли поднос с завтраком, судя по запахам в воздухе. У управляющего и экономки вид при этом такой несчастный и удрученный, что с меня слетели остатки сна.

– Поешьте, ваша светлость, – пробормотала мистрис Одли, и с помощью Альре поставила поднос с завтраком на прикроватный столик.

– Потом нас ждут дела? – хмуро спросила я Альре, потому что видела, управляющий явно сдерживает себя, боясь сказать что-то.

Альре кивнул, и я без промедления приступила к завтраку. Когда закончила, Альре с мистрис Одли обменялись особенными взглядами, словно понимают друг друга с полуслова. Мистрис Одли забрала опустевший поднос, и, присев в книксене, скрылась в дверях моих покоев.

– Я не позволил бы себе потревожить вас, принцесса, – начал было Альре, но я перебила его.

– Говори, что бы там ни было, – попросила я хрипло. – Потому, что я решила.

– Что решили? – рассеянно переспросил Альре, и отшатнулся, когда услышал ответ.

– Решила, что буду жить.

– За время вашей болезни накопилось много корреспонденции, принцесса, – сказал управляющий. – В основном письма с соболезнованиями, но на них надо ответить. Утром

приехал гонец из Огненных Земель, который лично доставил запечатанный конверт от нашего правителя, пресветлого Радилита. Это не тот случай, чтобы медлить, принцесса. Правителю нужно послать ответ незамедлительно.

Я поморщилась и уже приготовилась ответить, когда поняла, что Альре не до конца откровенен. Он смотрел, не отворачиваясь, говорил прямо и четко, но, вместе с тем, его глаза в сеточках морщин словно молят о помощи.

– Вы что-то не договариваете, Альре, – тихо сказала я. – Пожалуйста, не бойтесь. Вряд ли вы способны сообщить что-то, способное меня испугать.

– Виконт де Жерон, – тихо, одними губами, произнес Альре, и у меня внутри все оборвалось.

– Что с виконтом? – холодея, спросила я.

– Нет-нет, принцесса, ничего страшного, – поспешил успокоить меня Альре и добавил: – Пока.

Быстро, но в то же время тщательно подбирая слова, он начал рассказывать.

– Пока вы... Пока вам не здоровилось, принцесса, господин виконт не отходил от вашей постели, даже не ел ничего. Вчера, когда вам стало лучше, он покинул покои... И замок. Его приближенный слуга сообщил, что господин виконт уединился в охотничьем доме за окрестностями Города-крепости. Слугу он прогнал, поступив с ним грубо, принцесса. И также он поступил еще трижды. Вчера вечером и сегодня утром, когда попытались узнать о его самочувствии. Верный

слуга не отходил от охотничьего дома всю ночь, оставаясь на безопасном расстоянии... Он рассказал, что ночью слышал, как виконт выл, словно раненый зверь, как что-то кричал... Простите, принцесса, я настоял Оре на том, чтобы рассказать вам... Мистрис Одли пришлось принять это... Но ведь господин Дагрей никого не слушает, кроме вас...

– Дагрей? – переспросила я, не понимая.

– Господин виконт Дагрей де Жерон, – пояснил Альре, и я поняла, что впервые слышу имя виконта.

– Да, Альре, я поговорю с ним, – сказала я, в последний момент сдержавшись, чтобы не откинуть одеяло. – Дайте мне полчаса.

Альре поклонился, хотел что-то сказать, но я опередила его.

– Передайте, чтобы все шло вон. Мне не нужна помощь, чтобы одеться и впредь не понадобится. Вы, пожалуйста, ожидайте в моей гостиной, как только соберетесь. Покажете дорогу к охотничьему дому, где находится господин виконт.

Альре поклонился, при этом в глазах мелькнуло нечто похожее на радость и благодарность одновременно.

Стоило управляющему покинуть опочивальню, как я подхватила питомца с подноса, где он улегся прямо в тарелке из-под пирога, и направилась в омывальную.

После того, как оделась, прежде чем покинуть опочивальню, я бережно уложила Дилариона на подушку, а когда малыш что-то протестующе запищал, пробормотала:

– Ты итак уже сделал больше, чем мог. Теперь отдыхай и не волнуйся за меня.

Когда я вышла, Альре уже ожидал в гостиной, расположившись на краю низкой софы. Я похудела за две недели, и черный костюм для верховой езды висит на мне, как на вешалке в гардеробной.

На ходу я закуталась в черный, подбитый зеленой шерстью, плащ и сообщила управляющему:

– Я готова.

– Вы уверены, что сможете сесть в седло? – недоуменно спросил Альре. – Может, стоит ехать в экипаже?

– Уверена, – коротко ответила я, и управляющий воздержался от других вопросов.

Из-за наглухо завешенных зеркал дворец изнутри сразу почернел, словно съежился, уменьшился в размерах. Слуги, которые встречались по дороге, манжеты, перчатки, передники и чепцы сменили на черные. Лица у всех бледные, почти прозрачные, с красными глазами, под которыми пролегли черные круги.

Глядя на народ Пустоши, который вместе со мной облачился в траур по обожаемому правителю, я впервые ощутила стыд и чувство вины. В то время, как люди страдали не меньше моего, ведь и они любили Карла Сварта, я стремилась в царства мертвых, лежала на полу и билась в истерике.

Город-крепость, как и дворец, подернулся черным. Куда ни бросала взгляд: занавески, статуи, вывески – все, что

прежде было ярким, манящим, стало олицетворением скорби. Откуда-то я знала, что, по примеру дворцового убранства, зеркала завешены в каждом доме. В черное облачены и люди, что встречаются по дороге и провожают нас с Альре долгими взглядами. Шествуя по городу на лошади, я смотрела на лица подданных и видела, что стоило им узреть свою принцессу, в глазах начинает теплиться надежда.

Мы проехали Город-крепость насквозь и, оказавшись за его пределами, подняли коней в галоп. Миновав пару селений, которые пронеслись, как быстрый сон, мы въехали под густую сень леса.

Видя, что я натянула поводья Верного, вынуждая животное остановиться, Альре тоже придержал коня.

– Дальше я пойду одна, – сказала я управляющему, и, заметив, как он недоуменно поднял бровь, спросила: – Ведь теперь все время прямо, шагов двести еще?

Управляющий кивнул. Я спрыгнула с лошади и передала поводья Верного Альре, который, глядя на меня, тоже спешился без лишних разговоров.

– Ждите меня здесь, – сказала я и, не оглядываясь, двинулась туда, куда вело истинное чутье.

Я уже видела охотничий дом. Но почему-то, когда он показался из-за деревьев, вздрогнула, на меня навалился ступор. Пришлось несколько минут прислушиваться к шелесту кленовых листьев над головой и собирать мысли воедино. Лишь, когда вновь смогла думать, встряхнулась, выводя се-

бя из оцепенения, и направилась к невысокому деревянному домику. Но поднявшись на крыльцо снова замерла.

Войти не решалась долго. Не знаю, сколько прошло времени прежде, чем подняла руку и постучала, но никто не ответил. Я постучала еще раз, и снова ответом стало молчание, которое нарушается лишь щебетом птиц в ветвях клена.

Подняв взгляд, попыталась рассмотреть беззаботных созданий, что порхают в кроне и не представляют, какая трагедия обрушилась на всю Черную Пустошь. Потом сделала глубокий вдох и осторожно толкнула дверь. Та поддалась с тихим скрипом, и я, подобрав юбку, вошла.

В нос ударил запах кислого вина и затхлости, какой бывает, если долго не проветривать помещение. Беспорядок и запустение ошеломили так, что буквально кожей ощутила боль и отчаяние человека, находящегося здесь. Просторная комната завалена обломками стульев, стол рассечен пополам, словно в приступе гнева кто-то крушил все, что попадет под руку. Деревянные стены иссечены сотнями зарубок, а на полу осколки кувшинов, в которых хранилось эльфарское вино. На окнах когда-то висели занавески, но сейчас от них остались лохмотья, и солнечный свет проникает в дом тонкими лучами, высвечивая дорожки пыли в воздухе.

Я нервно сглотнула и сделала глубокий вдох, но так и не решилась произнести ни звука. Потому что сама пребывала в состоянии, похожем на беспорядок этого дома. Лишь спустя несколько минут смогла собраться с духом, и позвала тихо:

– Виконт?

Никто не ответил, я повторила чуть настойчивей:

– Виконт де Жерон?

Из прохода, который ведет в боковую комнату, послышалось шуршание. Приподнявшись на полупальцы, я осторожно приблизилась к распахнутой двери. Когда заглянула внутрь – вздрогнула.

Там оказалось еще запущенней. Разваленная мебель, разбитые кувшины, а на диване у стены растянулось тело, лишь смутно напоминающее виконта. Он лежит, уставившись неподвижным взглядом в потолок, сжимает рукоять меча с поломанным лезвием и, кажется, не дышит.

Осознание этого прокатилось жгучей волной, рот раскрылся, и я выкрикнула:

– Виконт!

Сама мысль, что не успела, что брат принца не вынес утраты и последовал за ним, встряхнула сильнее, чем нападение пиратов и магнакарид вместе взятых. Я вдруг поняла: несмотря на случившееся, на мне теперь ответственность, и я не вправе оставить людей Пустоши на произвол судьбы. Но потерять еще и виконта было бы невыносимо.

– Де Жерон, – прошептала я, – только не.... Пресветлые боги...

Меня качнуло, я успела ухватиться за дверной косяк, не сводя застывшего взгляда с дивана. А потом с плеч скатилась гора потому, что заметила, как виконт все же дышит, просто

очень тихо и незаметно.

– Как вы меня напугали, – сказала я, надеясь, что он как-то среагирует.

Но поверенный Черного Принца продолжает лежать, словно статуя, и таращиться в потолок.

Набравшись смелости, я стала постепенно приближаться, помня о словах Альре о состоянии виконта. Когда оказалась совсем близко, с ужасом обнаружила, как он осунулся и похудел. Кожа бледная, под глазами черные круги, губы потрескались, а на щеке свежий синяк. Когда опустила взгляд ниже, заметила запекшуюся кровь на костяшках пальцев.

– Виконт, – снова позвала я. – Вы меня слышите?

Он не среагировал, я продолжила мягко:

– Вам надо поесть. Альре говорит, вы не ели две недели.

Это слишком много даже для вас.

Я осторожно присела на край дивана и медленно, стараясь не тревожить, разжала ему пальцы и вытащила обломок меча. Виконт не шелохнулся, но меч забрать позволил.

Около получаса я говорила с ним, пыталась привести в чувства, увещевала, хотя самой было не сильно лучше. Но де Жерон реагировал бесстрастным молчанием восковой куклы. Когда на очередную мою тираду о том, что ему нужно позаботиться о себе, поесть и выспаться он ответил немым безразличием, во мне что-то щелкнуло.

Гнев вспыхнул быстрее, чем успела его осознать, я закричала:

– Да как вы смеете! Как вы смеете лежать здесь и упиваться жалостью к себе! Нам всем тяжело! Видят светлые боги, я две недели пролежала в беспамятстве, но нашла силы подняться! Вы не имеете права бросать меня в такой момент! Бросать Пустошь! Очнитесь, Дэйви Джонс вас дери!

В порыве ярости я накинулась на виконта и принялась исто-вово лупить по щекам, бить кулачками в грудь и пинать, куда попало.

Спустя несколько минут, к удивлению и облегчению, взгляд виконта стал осмысленным. Он некоторое время просто наблюдал, как избиваю его, потом перехватил мою кисть, занесенную для очередного удара и проговорил голосом, похожим на самую вечность:

– Что вам нужно?

– Что мне нужно? – выпалила я, откидывая прядь со лба и гневно выдыхая воздух. – Мне нужно, чтобы вы поднялись и взяли себя в руки!

– Зачем? – безразлично произнес виконт.

Мои глаза расширились, я снова занесла руку и со звоном обрушила ладонь на его щеку.

– Хотя бы затем, что лишь тогда перестану вас бить!

– Если вам это нравится, – монотонно сказал виконт, – бейте.

– Нравится? – выдохнула я. – О, да! Мне это очень нравится! Я мечтала об этом с самой первой встречи! Но сейчас это лишь огорчает! Потому что мне приходится бить не ви-

конта, а поверенного Черного принца!

При упоминании о принце, виконта дернулся и перевел на меня взгляд полный боли и безутешного отчаяния.

– Это я виноват... – прошептал он.

– Что? – не поняла я. – Не мелите чепухи! Вы не виноваты. Это все... все Каравара!

– Я виноват, – повторил де Жерон. – Я помогал ему изготавливать механизмы, которые не позволят Хозяину льда и его приспешникам пройти через порталы и попасть в теплые земли.

Радуюсь про себя, что виконт начал говорить, я поспешила поддержать разговор.

– Это не делает вас виновным в его гибели, – проговорила я, глотая комок.

– Я должен был его защитить, – проговорил виконт сдавленно, переворачиваясь на бок, и уставился в пол. – Если бы я, а не он шел последним, он был бы жив, а в лед обратился бы...

– В лед обратились бы вы, – закончила я резко, хотя самую душили слезы и стоило немалых усилий сдерживать их перед убитым горем виконтом. – А это ничуть не лучше. Если кто и виноват, так это я. Я принесла магию в Черную Пустошь...

Взгляд де Жерона переполз на меня, и показалось, стал чуть осмысленней, чем секунду назад. Чем дольше он смотрел, тем яснее становились глаза. Спустя некоторое время он приподнялся на локте и сказал:

– Не говори ерунды, Лиззи. Ты виновата не больше, чем солнце, за то, что дарит свет, но и иссушает поля, или ветер, который опыляет цветы, но срывает крыши. Ты просто женщина, которая...

– Любила своего мужа, – снова закончила я за него и печально опустила взгляд.

Слова виконта немного облегчили муки совести, которые тяжким грузом висели все это время. Но теперь я понимала, что не имею права думать только о собственно участии, и с благодарностью великому Карлу Сварту подумала, что Пустошь теперь в относительной безопасности.

– Виконт, – сказала я, решив уточнить и одновременно поддержать разговор, который, судя по всему, постепенно выводит его из оцепенения, – вы говорили о механизмах для защиты?

Тот кивнул и сказал коротко:

– Да.

– Не могли бы вы подробнее рассказать об этом? – попросила я.

Он проговорил, покривившись:

– В детали посвящать не стану. Слишком сложно. Но главное, что он смог их сделать, и именно поэтому так долго шел вызволять вас. А когда оказались в логове Каравары, мы успели поставить их прямо внутри. Когда мы убегали...

Виконт сделал паузу, словно слова даются ему с большим трудом, затем вдохнул и продолжил:

– Когда убегали, порталы уже закрывались, но Каравара успел проскользнуть в пространство между мирами. Он явно не хотел отпускать вас, не хотел проиграть. Я должен был защитить принца. Защитить брата...

К своему удивлению, я положила ладонь ему на пальцы и сказала, стараясь вложить в голос всю искренность:

– Виконт... Дагрей... Никто не смог бы остановить Карла Сварта. Мне кажется, он давно все решил, и готов был пожертвовать жизнью для спасения Черной Пустоши и ее людей. Мы должны помнить об этом.

Когда назвала виконта по имени, он вновь посмотрел на меня и впервые за все время моего пребывания в охотничьем доме глаза стали полностью ясными, а взгляд осмысленным. Истинным зрением я видела, как тень безумия постепенно уходит, хотя ему все еще тяжело.

Не сводя с меня взгляда, де Жерон приподнялся и сел. Теперь я смогла разглядеть, как камзол и рубаха болтаются на нем от двухнедельного голодания. Он смотрел на меня, как верный пес, который лишился хозяина и теперь пытается понять, найти нового или лечь на могиле прежнего и уснуть навечно.

Чтобы не дать виконту снова погрузиться в тягостные думы, я спросила:

– Вы можете показать мне записи об этом механизме? Я хочу понимать, что это, если вдруг придется снова столкнуться с подобным.

– Вы назвали меня по имени, – ответил виконт, игнорируя вопрос. – Вы никогда не называли меня по имени.

– Но ведь оно у вас есть, – сказала я.

Виконт еще некоторое время смотрел на меня, и я видела, как в нем идет тяжелая борьба между тем, что было, и тем, что ждет впереди. Теперь я знала, насколько близки были Карл Сварт и виконт де Жерон, и что кошмар, который испытывает он, сильнее моего потому, что они провели вместе всю жизнь, и связь их неизмеримо прочней любых, какие доводилось видеть среди людей.

Мне хотелось помочь, но в глубине души понимала, что сделала все, что следовало, и теперь выбор остается за Дагрем де Жероном, виконтом Его высочества Карла Сварта, сыном пресветлого Радилита.

Я наблюдала, как тени скользят по его щекам, как движутся мышцы на лице и дергается кадык. Но терпеливо ждала, чувствуя, как виконт буквально балансирует на тонком лезвии.

– Вы назвали меня по имени, – снова сказал он. – Это делал только мой брат.

Я закусила губу, испугавшись, что сыпанула в свежую рану столько соли, что вымыть уже нельзя, но виконт продолжал смотреть на меня осмысленно, и от этого затлела надежда.

Он опустил ноги в высоких сапогах на пол и сел, оперевшись локтями на колени. Несколько секунд оставался непо-

движным, потом вытер лицо и проговорил:

– Я покажу тебе, Лиззи. Все покажу. И передам все его свитки, записи. Все наброски и чертежи. Я расскажу все, что знаю, а чего не знаю, расскажет молодой маг, которого он спас благодаря тебе.

Такая перемена в настроении на секунду напугала, я решила, что виконт все же помешался, но, когда повернул голову, истинным зрением увидела, что преданный пес сделал выбор.

– Вам не следует находиться в такой обстановке, – произнес виконт, поднимаясь так медленно, словно и впрямь стал восковой куклой, которую зачем-то принудили ожить.

– В ваших силах это исправить, – сказала я. – Но не надейтесь просто выгнать меня. Я не уйду, покуда не удостоверюсь, что вы в порядке и не собираетесь сотворить что-то ужасное.

– Ужасное уже позади, – мрачно сообщил он. – Теперь следует извлечь из этого уроки. Я вас провожу, Лиззи. Здесь все слишком пропиталось вином и горечью. Вам не стоит здесь задерживаться.

– Поверьте, виконт, – сказала я, – сейчас вся Черная Пустошь пропитана этим.

И без того хмурое лицо Дагрея де Жерона стало темнее тучи. Пошатываясь, он прошел к двери в большую комнату и проговорил:

– Карлу это бы не понравилось. Все же, прошу вас поки-

нуть это место.

Я поднялась и приблизилась к виконту.

– Только после того, – сказала я, – как вы пообещаете переехать в замок, начать есть и посетить омывальную.

Он внимательно посмотрел на меня пронзительно-голубыми глазами, и я в очередной раз заметила, как они с братом похожи. Потом едва заметно кивнул и произнес:

– Обещаю.

Он провел меня через разрушенную комнату, с обилием рогов на стенах и шкур на полу. Потом отворил дверь. Струя свежего воздуха ворвалась внутрь, и только теперь поняла, как душно в доме.

– Помните, – проговорила я, не сводя взгляда с де Жерона и выходя во двор, – вы обещали.

Он послал мне усталый, но трезвый взгляд и сказал:

– Я никогда и ничего не забываю.

Я покинула охотничий дом и, стараясь не оглядываться, поспешила к ожидающему меня Альре. Я старалась идти быстрым шагом, но нога неловко подвернулась, и, чтобы не упасть, пришлось схватиться за ветку.

Поднявшись, я осторожно ступила на ногу, но, когда убедилась, что с ней все в порядке, дернулась, словно меня ударили.

Медленно, как во сне я посмотрела на ствол дерева, подняла взгляд чуть выше и, вскрикнув, торопливо зажала ладонью рот.

Место, на уровне головы высокого мужчины, оказалось сплошь заляпано кровью. На коре образовалась небольшая вмятина, на сучьях рядом обрывки белых волос.

Картина, как виконт стоит на этом месте и бьется головой о дерево, чтобы унять внутреннюю боль, возникла так явно, что ноги подкосились, пришлось помотать головой, чтобы вернуться в реальность.

Я подняла руку и осторожно провела ладонью по стволу, словно прикасаюсь не к нему, а к Дагрею де Жерону.

Потом отдернула руку и твердо произнесла:

– Больше никакой слабости. Я нужна своим людям. Мы с виконтом нужны Черной Пустоши, которая так истово верила в моего любимого мужа и господина.

Глава 2

Я хотела принять гонца от его величества пресветлого Радилита сразу же по возвращении в замок, но Альре был непреклонен и сначала пришлось поест. Я распорядилась, чтобы королевского гонца проводили в библиотеку, в малый зал, который служит кабинетом для аудиенций его высочеству, предварительно накормив и убедившись, что он ни в чем не знает нужды.

Когда с обедом было покончено, Альре проводил меня в малый зал, и, стоило присесть на стул с высокой спинкой, через окно влетел Диларион и с укоризненным писком устроился на плече.

Гонца ввели спустя минуту.

Им оказался молодой человек невысокого роста с хищным, как у хорька, лицом.

Выразив присущие случаю соболезнования, он открыл продолговатый футляр и протянул мне свиток, перевязанный лентой и скрепленной печатью с вензелем правящего дома, с изображением рукокрылой рогатой женщины между двумя, вставшими на дыбы, жеребцами.

Едва свиток оказался в руках, я ощутила, как внутри похолодело. Почему-то не хотелось его разворачивать, даже возник неожиданный импульс: вернуть этому человеку с мелки-

ми чертами лица. Тот, ожидая, пока прочту и отвечу, с интересом изучает меня взглядом несколько более настойчиво, чем допускают приличия.

Наконец, я развернула белую бумагу с огненно-алыми краями и прочла послание от правящего дома:

"Леди Элизабет Сварт из дома Гриндфолд следует немедленно прибыть ко двору Его величества Пресветлого Радилита Сварта.

Граф де Шевье, личный секретарь Его величества"

Стараясь скрыть недоумение, к которому добавилась осязаемая порция злости, я перевела взгляд на гонца. Он наблюдал за мной так пристально, что готова поспорить, знал, что написано в послании, а также знал о его тоне.

– Ваша светлость, – сказал он, отвешивая легкий поклон. – Мне приказано сопроводить вас в Огненные Земли. Немедленно по прочтению послания.

Я приложила все усилия, чтобы не дать чувству тревоги и недоумения проступить на лице. Сухо кивнув, отчетливо произнесла:

– Аудиенция окончена.

Дверь открылась, словно Альре стоял за ней и ждал этой фразы. В малый зал библиотеки вошел управляющий в сопровождении двух гвардейцев.

Гонец оглянулся на них с неприязнью, потом перевел взгляд на меня:

– Вы понимаете, ваша светлость, что приглашение явить-

ся ко двору... незамедлительное?

Из-за паузы за словом "приглашение" мне отчетливо слышалось "приказ".

С трудом сохраняя самообладание, я сдержанно улыбнулась гонцу.

– Вас проводят в отведенные вам покои. Вы ни в чем не будете знать нужды, пока принцесса Черной Пустоши готовится к отъезду. Вам же следует отдохнуть с дороги, пока не будет готов ответ его величеству пресветлому Радилиту, да славится имя его.

– Да славится имя его, – рассеянно поддержал меня гонец и запротестовал: – Но, миледи! У меня приказ! Немедленно доставить вас...

Один из гвардейцев в черном приблизился к гонцу, и тот осекся на полуслове.

– Принцесса, – поправил гонца Альре и, не обращая внимания на яростный взгляд посла, добавил: – Вы слышали распоряжение ее светлости. Извольте следовать за мной.

– Я должен доставить ее светлость ко двору! – не унимался гонец.

Но гвардейцы заняли места по бокам от гонца и ему пришлось пойти к выходу. Альре радушно распахнул перед ним дверь.

– У принцессы Черной Пустоши есть кому сопроводить ее ко двору, – сказал он, улыбаясь одними губами.

– Вы за это ответите, – сообщил гонец, прежде, чем поки-

нуть кабинет.

Стоило двери захлопнуться, я откинулась на спинку стула, тяжело дыша.

Дракончик пискнул на плече и растерянно облизал мне щеку раздвоенным языком.

– Ты понимаешь, Диларион? – спросила я дракончика, снимая с плеча и водружая перед собой на стол. – Понимаешь? В послании ни слова соболезнования, ни слова сожаления или сочувствия. Ко мне обращаются не "принцесса", а "леди". Меня не приглашают, мне приказывают явиться ко двору... Пресветлый Радилит не удостоился сам написать невестке-вдове, отдал распоряжение секретарю...

Дракончик посмотрел на меня серьезно глазками-бусинками и выпустил облачко черного дыма.

– Ты мой защитник, – пробормотала я. – Пока Альре держит гонца под стражей, которая выдается за гостеприимство, и продержит так долго, как нужно, мне предстоит написать ответ его величеству Радилиту, подобрать людей, которые будут сопровождать ко двору, отдать распоряжение насчет того, чтобы собрали вещи...

Мою рассеянную речь прервал Альре, который вошел и сообщил, что гонца разместили в западном крыле дворца, а чтобы не волноваться за здоровье дорогого гостя, у отведенных покоев поставлен почетный караул.

Я скупно улыбнулась тому, как виртуозно Альре обозначил стражу, и, не в силах говорить, протянула управляюще-

му свиток.

Тот бегло пробежал его взглядом, лицо омрачилось, словно небо затянули грозовые тучи.

– Леди Сварт, – сказала я. – Немедленно явиться...

Альре нахмурился еще больше и поджал губы.

– Если бы к вам обратились "леди Гриндфолд" я бы сделал все, чтобы не выпустить вас из Черной Пустоши, – после долгой паузы сказал он. – То, что к вам обратились, как к леди Сварт, говорит о том, что пресветлый Радилит признает ваш брак со своим единственным сыном. Но это признание дается ему дорого...

– Все это так неожиданно, Альре, – устало проговорила я. – Понимаю, если бы не моя позорная слабость...

– Не говорите так, принцесса, – перебил меня управляющий. – Что вы думаете делать?

– Сначала напишу ответ его величеству, затем распоряжусь собирать вещи.

– На вашем месте я бы вручил ответ гонцу, но в Огненные Земли ехал со своими людьми, – осторожно сказал Альре.

Я кивнула.

– Я тоже так подумала. Встретиться с ним где-то по дороге тоже не хотелось бы.

– Напишите ответ незамедлительно, – посоветовал Альре. – Я вручу его от вашего имени посланнику сразу после обеда. Вместе с заверением, что вы отправитесь в Огненные Земли, как только все будет готово в дорогу, а также ис-

полните долг вежливости и ответите всем именитым домам на письма с соболезнованиями. Но вы не хотите заставлять его величество ждать, поэтому гонцу следует возвращаться немедленно.

– А поскольку он выедет во второй половине дня, ему придется провести лишнюю ночь в пути, – закончила я мысль за управляющего. – Я успею подумать, прийти в себя и посоветоваться кое с кем.

Альре кивнул.

– Во дворец прибыл виконт де Жерон, принцесса, – сказал он. – Спасибо. Я не думал, что удастся вернуть брата повелителя так скоро.

Я слегка улыбнулась Альре.

– Если виконт будет спрашивать, скажите, что я решила прогуляться. Для охраны я возьму одного или двух гвардейцев из тех, что сопровождали нас с его высочеством в Эльфарию.

Оставшись одна, я быстро начертала послание его величеству:

"Милостивому правителю семи королевств, его величеству Радилиту из дома Свартов.

Согласно Вашему высочайшему распоряжению, ваша невестка-вдова, миледи Элизабет Сварт из дома Гриндфорд, незамедлительно выезжает из Черной Пустоши в Огненные Земли, для того, чтобы предстать пред Вашими очами при дворе.

Ваша верная подданная, принцесса Черной Пустоши, Элизабет Сварт."

Я сложила бумагу, запечатала в конверт и, оставив пометку, что письмо назначено его величеству, оставила на столе для Альре, рядом со стопкой нераспечатанных писем с заболеваниями.

За дверью зазвонил колокольчик, и после моего дозволения войти, дверь открылась и впустила тех самых гвардейцев, которые сопровождали меня во время прогулки по эльфарскому лесу. В груди защемило, стоило увидеть знакомые лица, которые были свидетелями моего хрупкого и безмятежного счастья, но я нашла силы поприветствовать и попросить сопроводить во время прогулки.

Прежде, чем покинуть замок, надела перчатки, блокирующие магию, которые наказывал носить муж. Несмотря на заверения виконта, что Каравара и присягнувшие ему, не могут проникнуть на теплые земли с помощью темных порталов, сама в этом уверена не была.

Вспоминая ледяную мощь чудовища, волны ужаса, которые исходят от него, поработавшая волю тех, кто находится подле, я поклялась, что сделаю все, чтобы завершить дело мужа и уничтожить ледяного монстра.

– После, – пробормотала я. – Подумаю об этом после. Как же некстати эта поездка ко двору, Диларион!

Дракончик возмущено пискнул на плече, словно согласился с хозяйкой.

В сопровождении гвардейцев я прошла через ворота в замковой стене и вышла в Город-крепость. Мы миновали несколько извилистых улочек, прежде чем впереди показался небольшой, нарядный дом Мириам. Чем ближе подходили, тем сильнее сжималось сердце: я помнила о вторжении и понимала, что оно не прошло без потерь.

Позвонив в колокол, я вошла внутрь, заверив стражу, что в этом доме мне ничего не грозит. Когда услышала звонкий голосок Мириам и ворчливый, беспокойный – Ксаны, сердце радостно екнуло.

Ксана, по своему обыкновению, раскатывала тесто, а Мириам, взлохмаченная, вся в муке, усиленно помогала нарезать из плоской массы звезды и цветочки.

Первым нарушил тишину Диларион. Увидев подругу, он пискнул, и спустя секунду радостный вопль Мириам оглушил нас с Ксаной. Подхватив дракончика на руки, Мириам несколько раз покружилась с малышом на месте, рассыпая вокруг муку, как королева снежной бури, а когда Диларион взлетел к потолку, подбежала ко мне и порывисто обняла, уткнувшись носом в живот. Ксана промешкалась всего несколько секунд. Наскоро вытерев руки, она тоже приблизилась и обняла меня.

Не ожидая такой теплоты и от простых людей, я застыла, а потом робко обняла Ксану в ответ одной рукой, а вторую положила на рыжую макушку Мириам. Меня обнимали тепло, открыто, по-дружески и по-матерински, от этого

защищало в глазах и сдавило горло. Пока мы стояли так, не двигаясь, несколько минут, я думала, что мне очень повезло встретить этих людей, которые чужое горе воспринимают, как свое. Хотя, наблюдая за людьми Пустоши в это тяжелое время, видя их искреннюю скорбь и слезы, я думала, что так истово люди оплакивают лишь самих себя. Ведь утрата такого правителя, как мой муж, значила не только мой личный крах, она могла обернуться крахом целого королевства.

– Мне нужна ваша помощь, – сказала я спустя минуту, и Ксана с Мириам тотчас отстранились и обе посмотрели с одинаковой готовностью и одинаковым желанием помочь.

– Мне нужно к Ане Ахебак, – пояснила я и добавила: – И если не так давно, узнав, что принцесса посещает Красную Жрицу, меня могли осудить за легкомыслие, то теперь, узнав о том, что я хожу к жрице плотской любви после... смерти мужа, меня могут на всю жизнь заклеить позором. Тем не менее, мне нужна мудрость Ане Ахебак, и ее совет. И, кроме вас, мне не к кому обратиться.

– Конечно, принцесса, – пробормотала Ксана, – Ане Ахебак славится не только своим искусством, но и мудростью. Жаль, что людям не всегда объяснишь такого. А вы, уж извините мою прямоту, принцесса, хоть и молоды, но очень умны и отличаетесь от многих чуткостью и большим сердцем. Мы поступим, как уже делали в прошлый раз...

– Сегодня со мной гвардейцы, – призналась я грустно. – Я не могла покинуть дворец без охраны. И я ручаюсь за сво-

их людей, они никому не скажут, куда сопровождали свою принцессу, но поручиться за тех, кто увидит леди в маске и плаще, идущую в обитель Красной Жрицы в сопровождении гвардейцев, я поручиться не могу.

Ксана поджала губу и кивала в такт моему рассказу, хмурясь, словно обдумывала подходящее решение. Первой тишину нарушила Мириам.

Морща лоб, совсем как взрослая, она сказала:

– Я возьму Дилариона и буду играть с ним в саду, а гвардейцам скажу, что ты пьешь чай с моей мамой.

Ксана встрепенулась и принялась укладывать печенье на длинное блюдо.

– Отнесешь господам гвардейцам, Мириам, – бормотала она. – И травяного отвара...

– Но... – пробормотала я.

– Отличное решение, принцесса, – сказала Ксана. – Если господа гвардейцы будут интересоваться вашим самочувствием, скажу, что дала вам немного успокоительного отвара и уложила отдохнуть. Вы не беспокойтесь, моего Сэма многие знают и уважают, еще кого-то они проверили бы, а нас точно не станут.

– Я, признаться, забыла, что вы жена Сэма, – пробормотала я.

– Немудрено, милая, – ответила Ксана и у нас обоих вырвался нервный смешок.

Мириам тем временем подхватила угощение для гвардей-

цев и удалилась с Диларионом на плече.

– Пойдемте, принцесса, – позвала меня Ксана. – План хороший, но мешкать не стоит. Чем раньше вы поговорите с Ане Ахебак, тем скорее вам станет легче.

– Мне уже никогда не станет легче, – пробормотала я. – Но это неважно.

– Эх, молоденькая вы совсем, принцесса, – сказала Ксана, по-матерински обнимая меня за плечи. – Девчонка еще... Что ж это за мир такой, где дети вместо того, чтобы жить да радоваться, хоронят мужей.

– Я не хоронила мужа, – вырвалось у меня. – Мне не дали даже этого.

Ксана нахмурилась и слегка тряхнула головой.

– Так ведь так лучше, милая. В нашем королевстве принято сжигать мертвых, а прах развеивать по ветру, если конечно, не какой-то знатный лорд или граф. От земли пришло – в землю ушло. Это только тело, принцесса, а не он сам.

– Спасибо, Ксана, – пробормотала я и подумала, что Нинель не смогла бы подобрать слова утешения лучше.

Я быстро сменила двусторонний черный плащ на плащ Ксаны: черный, подбитый алым и надела маску, которая облепила лицо, как вторая кожа.

Миновав несколько улиц, я позвонила в колокол у входа в оббитое плющом и лозой здание и, когда дверь распахнулась, скользнула внутрь.

Красная Жрица расположилась на тахте. Она не измени-

ла своему цвету, лишь сменила ярко-алый на темно-бордовый, сняла позвякивающие при каждом движении браслеты, ограничившись лишь парой из черного дерева, блестящих при свете черных и багровых свечей.

К моему изумлению, Ане Ахебак встала при моем появлении и, подойдя ближе, обняла, прижав к себе, совсем как Ксана. Возникло двойное ощущение, как когда преподаватель алхимии обучал балансу и говорил окунуть руки в два одинаковых чана с водой, но один с горячей, а другой с холодной. Обнимая Красную Жрицу в ответ, я ощутила себя тем самым чаном с ледяной водой.

– Пойдем, дитя, – позвала Ане Ахебак и увлекла меня в уже знакомую маленькую комнату, с круглыми бумажными фонарями и небольшим столиком, на котором расставлены глиняные приборы для долгого чаепития.

Опустившись на подушки, я закрыла глаза и посидела какое-то время, слушая себя, как учила Жрица. А когда взглянула на нее, заметила вертикальную морщинку меж бровей и скорбно поджатые губы.

– Мы все с тобой, Элизабет, – сказала Ане Ахебак, перехватив мой взгляд. – Все, до одного. Каждый человек в Черной Пустоши.

Я промолчала, но заставила себя кивнуть, и Ане Ахебак добавила:

– Хорошо, что ты пришла.

Я снова помолчала, прежде чем начать говорить.

– Я хотела расспросить о многом, – сказала я. – Я раньше была глупой, меня интересовали неважные вещи. Я не знала важности того, что стоит дороже всего.

Жрица протянула мне ароматную пиалу и, дождавшись, пока сделаю глоток, спросила:

– И что же это, Элизабет? Что самое ценное для тебя?

– Жизнь, – просто ответила я. – Раньше я не подозревала, как она хрупка и уязвима, как легко дается и забирается. Так легко, что можно подумать, она ничего не стоит, и вместе с тем стоит так много... Так много...

Красная Жрица кивнула, словно соглашалась со своими мыслями, а затем сказала:

– Жизнь всего лишь состояние, Элизабет. Одно из состояний. Ты называешь жизнью лишь одну из ее сторон и упорно не хочешь видеть другие.

– Какие? – спросила я после паузы. – Какие еще грани могут быть у жизни... Вот, я...

Я положила руку себе на грудь и на секунду запнулась, слушая удары сердца.

– Я живу, я дышу. Но стоит мне перестать дышать, как жизнь моя прервется, потому что нет ничего более хрупкого, чем она.

– Тебя ли я слышу, Элизабет? – переспросила Жрица, хмурая густые брови. – Наследницу двух великих магических домов? Великих настолько, что слава о домах Гриндфолд и Бранж простирается за самое Звездное море?

– При чем здесь моя магия и мои наследные способности? – не поняла я.

Прежде, чем ответить, Ане Ахебак залила чайные листья новой порцией горячей воды, и пока отвар настаивался, сосредоточенно водила крупной кисточкой с длинными ворсинками по глиняной посуде. Наконец, она посмотрела на меня, и от взгляда черных глаз в груди словно кто-то зажег свечу. Маленькую, почти незаметную, но свечу.

– При том, что как маг, ты видишь больше других людей, – сказала Жрица.

– Больше, – повторила я, скривившись. – Да, я вижу ауры, вижу, правду говорит человек, или лжет, вижу истинную суть вещей, но этого ничтожно мало. Это я только сейчас поняла.

Ане Ахебак грациозно помотала головой и длинные серьги в виде колец из черного дерева, как браслеты на щиколотках и запястьях, качнулись в такт.

– Ты видишь призраков, Элизабет, – сказала она.

Я пожалала плечами, мол, что здесь такого.

– Когда ты последний раз видела их говорила с ними?

– В Эльфарии, – задумавшись на секунду, ответила я. – Я видела эльфов и даже говорила с одним из них. Правда, он утверждал, что видящий это он, а призраки – мы.

Глаза Жрицы полыхнули торжеством.

– Ты понимаешь, что это значит, Элизабет? – спросила она. И когда я помотала головой, пояснила: – У них своя ре-

альность, у тебя – своя. И, поверь, в своей они не сомневаются, также как ты, когда кладешь руку на грудь и слушаешь биение своего сердца. Так что тогда жизнь? Та, что у них или тебя?

Я помолчала, прежде чем ответить. И когда начала говорить, голос мой звучал глухо.

– Я знаю, к чему вы клоните, Ане Ахебак. Вы пытаетесь подвести к тому, что смерть – такая же составляющая жизни, как и то, что я называю жизнью. Но не стоит. Со мной все в порядке. Я приняла решение жить и продолжать дело мужа, чего бы мне это ни стоило. Я стану достойной правительницей Черной Пустоши, такой же достойной, как был мой муж, его высочество Карл Сварт.

Красная Жрица улыбнулась мне, как ребенку.

– Ты спешишь, Элизабет, – сказала она. – Я не пытаюсь подвести тебя к тому, чтобы ты приняла призрачное существование прежних эльфарских жителей за то же, что и у тебя. Я пытаюсь дать тебе понять другое, то, что во время ритуала Отречения показала тебе Аюнэ: смерти нет.

– Вы знаете Аюнэ? – ахнула я.

Жрица пожала плечами и улыбнулась.

– Не только ты проходила ритуал Отречения, Элизабет. Многие, кто проходил, осознавали себя в царстве Сновидца.

Перед глазами запрыгали страшные картинки, которые я видела в темной пещере: стремительно стареющая плоть, кости, тлен, суета, стремление к какой-то непонятной, но об-

щей цели, а потом все это меняется с появлением Сновидца, когда Аюнэ показывает, что мир не таков, как кажется.

– Я совсем забыла о случившемся в пещере, – пробормотала я, и голос звучал уже не так уверенно.

– У тебя просто не было времени как следует подумать об этом, – мягко сказала Жрица, и я кивнула.

– Аюнэ показала мне, что мир больше, чем кажется, – проговорила я. – В ее пещере мне пришлось взглянуть в лицо своим страхам. Вот только знаете... Без моего принца мне не нужен весь этот прекрасный мир, и страхов тоже больше нет.

– Элизабет, – дрогнувшим голосом позвала Жрица, протягивая мне заново наполненную пиалу.

Не делая глотка, я поставила ее на стол и продолжила говорить:

– Все во дворце... камеристки, слуги, все говорят об одном. Они думают, я не слышу, но я, к несчастью, обладаю истинным слухом... Об этом же пишут люди, выражающие соболезнования, не все, должно быть, самые смелые или самые искренние, не знаю. Их слова по-прежнему запечатаны, лежат стопкой на столе в библиотеке, но я обладаю истинным зрением. Ане Ахебак, я знаю, что там написано. Все говорят, что время лечит. А я не верю.

– И правильно, что не веришь, – сказала Жрица, глядя мне в глаза. – Потому что это неправда.

Я закусила губу. Слова Жрицы прозвучали жестко и неожиданно, но отчего-то принесли облегчение.

– Я знала, – прошептала я.

– Ты права, дитя. Разве может течение времени склеить разбитое сердце, разве может исцелить необратимое? Время не лечит, Элизабет. Но оно дает тебе другие воспоминания, другие чувства, эмоции, переживания, опыт. Твое сердце так велико, что вместит в себя все, что так щедро преподносит жизнь. Ты ошибалась, когда говорила о хрупкости и ценности жизни. Еще более ценно, чем жизнь – время, Элизабет.

– Время? – задумчиво переспросила я.

– Да, – кивнула Ане Ахебак. – Время. Подумай, Элизабет, разве сможешь ты на пороге смерти купить хоть одну лишнюю минуту нахождения в мире живых, пусть и за все богатства этого мира? Тому, кто определяет, когда настал черед, эти богатства не нужны. Они для него, словно для тебя мысли о сокровищах.

– Мысли?

– Мысли, Элизабет. Весь этот мир, который ты осязашь и привыкла считать незыблемым, не больше, чем сильно сгустившаяся иллюзия. Но оттого, что сгустилась настолько, что кажется реальной, она не перестает быть иллюзией.

Голос Ане Ахебак перестал слышаться, как что-то внешнее, он словно проник в голову и звучал, будто мои мысли. Те, что всегда роятся стаяй потревоженных пчел, а теперь текут одна за одной, звонкие, яркие, красивые. На секунду показалось, что у Жрицы совсем другое лицо, я готова была поклясться, что со мной говорит Аюнэ, потом вила Ивия,

тетя Эльвира, Нинель и даже Бенара. Границы пространства размылись, словно мир раздвинулся изнутри и, поднатужившись, распахнулся, ослепляя белым изначальным светом.

– Карл Сварт не умирал, – тихо, одними губами, боясь потревожить пришедшее осознание, проговорила я, – не умирал...

– Он даже не родился, – так же тихо ответила Ане Ахебак, не сводя с меня взгляда, словно этот взгляд, направленный в самую душу, творил невообразимое с пространством и временем, которое замерло, истончилось и куда-то исчезло.

– Но как же, – робко произнесла я. – Я же все помню.

– То, что ты видишь, Элизабет, не отнимает память, чувства, что ты любишь или ненавидишь. Во имя этого знания не нужно ни от чего отказываться или забывать. Этому не нужно учиться, потому что оно всегда здесь.

– Но что это? – спросила я.

Показалось, что раздвинутые грани иллюзорного пространства останутся такими навеки. На сердце полегчало, словно оно опустошилось, вытряхнув из себя одним махом все горе и боль, и это сейчас темной пеленой зависло в воздухе.

Отпустив страх и удивление, я смотрела, осознавала, и видела все, даже то, что привыкла считать своим, как иллюзию, как сгустки мыслей в едином эфире бытия.

– Видишь Видение? – спросила Ане Ахебак, и я рассеянно закивала.

– Мне кажется, только Видение и можно видеть, – отозвалась я. – Просто раньше я не туда смотрела.

Смех Ане Ахебак зазвенел колокольчиками в воздухе, и я зачарованно смотрела, как звуки плывут по хрустальному телу бытия, по пространству, и творят время.

– Но что это? – расширив глаза от удивления и восторга, спросила я. – Как это называется, Ане Ахебак?

– Это истинная магия, – с улыбкой произнесла Жрица. – Это видение истинной сути вещей.

– Вы говорили, что есть магия мужская и магия женская, – проговорила я. – Я помню... Просто не было времени подумать об этом.

– Ты очень умна, Элизабет, и рано или поздно ты бы поняла, что моя миссия в Черной Пустоши заключается не только в качестве проводницы в мир наслаждений. Любовь – лишь первая ступень на пути познания женской магии, но не последняя и не единственная.

Пространство продолжало оставаться распахнутым, безграничным, все мысли и чувства, которые считала своими, спокойно скользили по его поверхности, не беспокоя, не причиняя боли и не вызывая тревоги.

– Вы здесь, чтобы учить женщин истинной магии? – спросила я. – Той, против которой бессилен даже Каравара? Ведь это никто не способен подчинить себе, присвоить, накопить, стать за счет этого сильнее или передать другому?

Ане Ахебак улыбнулась и гордо вскинула подбородок.

– Я здесь для того, чтобы учить этому одну женщину. Правительницу Черной Пустоши. Принцессу, которой предстоит союз с сильнейшим магом всех королевств и народов. Вместе, обладая обеими гранями истинного Знания, вы сможете одолеть любое зло и принести много добра и процветания в мир. Я думала, этим магом был принц Карл. Я ошиблась.

Расширенное пространство схлопнулось в один момент, границы вновь стали реальными. В мир вернулась твердость и незыблемость. О том, что секунду назад я пребывала самым осознанием, напоминала лишь услужливая память, но воспоминания теперь казались тусклыми и плоскими.

– Ну что ж, для первого раза неплохо, – сказала Ане Ахебак. – Редко кто остается в этом так долго, как смогла ты.

– Но вы... Вы сказали, что мне предстоит союз с магом, – пробормотала я.

– Да. Что тебя удивляет?

– Но... Как можно? Как можно даже говорить об этом во время моего траура?

– Это говорит человек, который только что осознал не только иллюзорность своих страданий, но и иллюзорность мира? – спросила Жрица строго. – Я не говорю, что союз с магом случится сейчас. Я говорю, что такой союз необходим для Пустоши и остальных королевств. А ты решай, кто ты – простая женщина, или правительница, которая стоит на порядок выше остальных, а значит, должна уметь мыслить в

первую очередь, как правительница.

Я вздохнула, но взгляда не отвела.

– Сказать честно, первым моим порывом, как пришла в себя и вылечила дракончика, было вернуться в Аварон, к дяде, к Бенаре, к Нинель, забыть обо всем, как о кошмарном сне... Но я не могу. Теперь не могу. Моя жизнь больше никогда не станет прежней.

– Есть только один человек, кто способен по-настоящему отпустить тебя, дать возможность жить, дышать, править, – задумчиво сказала Ане Ахебак.

Мое сердце сжалось, и я спросила:

– Аюнэ?

– Аюнэ не человек, – ответила Жрица. – Нет, Элизабет, я говорю не о Сновидце. Я говорю о Карле Сварте.

В глазах потемнело, а воздух в комнате закончился.

– Вы... Вы можете вернуть его, правда? Вы живая, теплая, мудрая, вы должны знать, как справиться с проклятой магией льда!

Глядя на меня с грустью Красная Жрица помотала головой.

– Никто не может вернуть в мир живых того, кто пересек черту, Элизабет. Мне очень жаль. И если бы моей мощи хватило бы, чтобы противостоять Караваре... Черной Пустоши бы уже ничего не угрожало.

Я сглотнула слезы, чувствуя, как воспарившее было от надежды сердце снова оседает в груди камнем.

– Тогда... Ане Ахебак... Вы можете помочь мне увидеться с ним? Чтобы... проститься по-человечески?

Красная Жрица снова покачала головой.

– Я – нет, – ответила она. – А вот Аюнэ может.

Глава 3

В ушах стояла последняя фраза Красной Жрицы "Я – нет. А вот Аюнэ может", поэтому я плохо соображала и воспринимала происходящее. Красная Жрица куда-то ушла, прихватив с собой принадлежности для чаепития.

Какое-то время я оставалась одна, думая о словах Ане Ахебак, чувствуя, как в груди тусклым робким лучиком зарождается надежда, и нечаянная, преждевременная радость рвется наружу.

Я кусала губы, ломала пальцы, бормотала, что Красная Жрица ошиблась, что никогда не смогу вернуться на границу теплых и холодных земель, что не заставляю себя взглянуть на то, во что обратился мой муж, что мне просто опасно там находиться, поскольку туда есть доступ Караваре...

– Если бы мне позволили хотя бы оплакать вас, Карл, просто побыть наедине с мыслями о вас, – прошептала я одними губами. – Но ведь этот вызов ко двору... Меня лишают такого малого, но необходимого... Если бы вы были здесь, со мной, вы бы подсказали, как поступить, что делать...

Говоря это, я вздрогнула, и, обернувшись к приоткрытой двери, приняухалась. Показалось, что слышу знакомый запах, сладкий и всепроникающий одновременно.

Через несколько минут в комнату вошла Красная Жрица

с небольшим подносом в руках. На подносе в длинном прозрачном бутылке с узким горлом пенится зеленоватая жидкость.

– Отвар эльфарской беладонны! – вспомнила я, узнав запах. Именно так пах тот, что дала выпить Лана перед ритуалом Отречения.

– В прошлый раз меня настоятельно просили зажать нос, прежде чем пить, – сказала я Красной Жрице, чувствуя, как запах проникает глубоко внутрь и скованность тела куда-то улетучивается.

– Предрассудки, – отмахнулась Красная Жрица и добавила: – Ничего не бойся, Элизабет. Когда рядом Аюнэ, с тобой не может случиться ничего дурного. Знаю о твоих вопросах и сомнениях, и прошу: не надо. Не бойся и не сомневайся в моих словах. Я никогда не обещаю того, чего не смогу исполнить. А теперь выпей это.

Привычный сладко-горький напиток чуть обжег горло.

На какой-то момент голова закружилась, но вскоре это прошло.

Я ожидала, что мир изменится, но все оставалось таким, как секунду назад. Я перевела недоуменный взгляд на Жрицу, и та склонила голову в знак того, что все идет, как надо.

Дверь тихо скрипнула и впустила Аюнэ.

Она вошла в том же до неприличия коротком платье, сшитом из листьев и уселась на подушки на полу, скрестив ноги. Волосы цвета жидкого золота разбросаны по плечам, на

покрытом россыпью веснушек лице зелеными огнями горят глаза.

– Приветствую, Элизабет, – сказала она мне и кивнула Красной Жрице, как хорошей знакомой. Та с изяществом поднесла ей какой-то напиток, и Аюнэ пригубила, чуть дотронувшись губами до пиалы. – Давно не виделись.

– Кажется, целую вечность, – ответила я с грустной улыбкой.

– Ты удивлена моим появлением? Может, предпочитаешь подземелья с горами костей? – спросила Аюнэ, смешно морща нос.

– Честно? – спросила я и ответила, не дожидаясь ответа: – Мне все равно. Но есть в твоём появлении то, что меня удивляет.

– Женщина всегда остается женщиной, – смешливо сказала Аюнэ, обращаясь к Жрице. – Ты хорошо придумала, что учишь ее истинной магии.

Она обернулась ко мне.

– Я постараюсь утолить твоё любопытство, Элизабет. Насколько это в моих силах.

После этих слов Красная Жрица и Аюнэ засмеялись, поэтому я спросила с небольшой обидой в голосе:

– Если бы я не пила отвар эльфарской белладонны, и тем более не вдыхала ее паров, ты бы появилась?

Веселье повторилось, и на этот раз было куда мощнее прежнего.

– Элизабет, я не подозревала, что у тебя такое отличное чувство юмора, – смеясь, сказала Аюнэ.

Я нахмурила лоб.

– Я не шучу, – проговорила я, и Аюнэ вытерла слезы, что выступили от смеха.

– Шутница, – пробормотала она.

Видя, что я не отстану, Аюнэ, отсмеявшись, спросила:

– Так ты думаешь, дело в отваре? Элизабет, не будь наивной. Отвар здесь ни при чем. Вот, Ане Ахебак его не пила.

– Но она могла выпить до того, как пришла сюда, – пробормотала я и когда поняла, какую глупость сказала, засмеялась вместе с женщинами. При этом почувствовала себя странно: я смеялась впервые за долгое время, но это было приятно, и я поняла, что от грусти устаешь так же, как от тяжелой работы.

– Ты права, Элизабет, – кивнула Аюнэ, словно я подумала вслух, – истинные чувства всегда внутри, а не напоказ. Ну, ты готова?

Я вспомнила о словах Ане Ахебак и кивнула, все еще не веря, что кому-то под силу выполнить ее обещание. Даже Аюнэ, кем бы она ни была.

– И тем не менее, ты не веришь, – сказала Аюнэ.

Я покачала головой.

– Нет, и я не думаю, что способна отправиться на границу теплых и холодных земель, – сказала я. – Даже если Каравара не страшен мне рядом с тобой. Я... просто я не смогу.

Аюнэ задумчиво посмотрела на Ане Ахебак. Та ответила понимающим взглядом.

– Для получившей посвящение в истинную магию она рассуждает странно, – сказала Аюнэ, поднимаясь. Уже открывая дверь, она обернулась и бросила мне: – Пошли.

Неуверенно покосившись на Красную Жрицу, которая кивнула и показала взглядом на Аюнэ, я встала и последовала за Сновидцем.

Стоило выйти за дверь, как все исчезло.

Исчез коридор в доме Ане Ахебак, который вел в маленькую комнату для чаепитий, исчез вместе с домом Красной Жрицы и даже со Сновидцем.

Вместо этого я оказалась в огромном зале с зеркальными стенами, без пола и потолка. Я опустила взгляд и увидела, что иду по сгусткам тумана, достаточно плотным, чтобы удерживать мой вес, а когда взглянула вверх, пришлось сощуриться.

Вместо потолка расплескалось равномерное рассеянное свечение. Показалось, что если смогу смотреть сквозь этот свет, следующее, что увижу, будет бездонный купол неба.

Какое-то время я стояла и смотрела на свое далекое отражение в зеркальной стене, а потом пошла ему навстречу. С каждым шагом все больше казалось, что не только я приближаюсь к фигурке в черном, но и она движется мне навстречу. И в то же время мы не стали ближе ни на шаг. Тогда я побежала, и увидела, что она тоже бежит. Какое-то время мы по-

прежнему оставались на месте, но потом мое отражение понеслось навстречу с угрожающей скоростью, так, что через секунду врезалась в кого-то и упала.

Со всего размаха я обрушилась в сочную зеленую траву. Подняв взгляд, увидела над головой небо, по которому несутся белоснежные облака, в лицо светит солнце, а в воздухе раздаются трель сверчков, жужжание шмелей и пчел. Где-то щебечут птицы.

Я попыталась подняться, отталкиваясь ладонью от земли, но чья-то фигура заслонила солнце. Я поморгала, чтобы привыкли глаза, а когда взглянула еще раз, неловко осела обратно в траву.

Мой принц, такой, как запомнила его, только посвежевший и словно сияющий изнутри, будто хорошо выспался и отдохнул, улыбнулся и протянул руку.

Я робко протянула пальцы в ответ, и, когда наши пальцы встретились, зажала рот ладонью. Рука мужа оказалась твердой и горячей, словно не было всего этого ужаса, что разлучил нас пятнадцать дней назад.

Принц рывком поднял меня с земли и прижал к груди так крепко, что показалось, вот-вот задохнусь. Стоило промелькнуть этой мысли, как меня слегка отстранили, заглянули в лицо и притянули снова. Мы стояли какое-то время молча, принц гладил меня по волосам, а я вдыхала самой родной в мире запах и боялась пошевелиться, словно тогда все исчезнет, и я опять останусь в одиночестве.

Он нарушил тишину первым.

– Хорошо, что ты смогла прийти, Элизабет, – произнес низкий, хриплый голос, и я всхлипнула, прижимаясь к мужу еще сильнее.

– Я скучаю, Карл, – сказала я и отстранилась, чтобы посмотреть в его глаза.

– Я знаю, Элизабет, – ответил он. – И прошу, не рви душу мне и себе, не скучай так горько и так безнадежно.

– Но что я могу сделать, Карл? – прошептала я. – Как жить после того, как познала лучшего из людей? Если бы ты просто выгнал меня, Карл... Если бы я просто надоела тебе, и ты отстранил меня, если бы даже отправил в изгнание за тридевять земель, куда угодно... Я была бы несчастной, но в то же время счастливейшей из людей, потому что познала блаженство и знаю, что хожу по одной земной тверди с тобой... Дышу одним воздухом... А, засыпая, смотрела бы на звезды и думала: на них сейчас смотрит Карл. Разве много мне нужно для счастья? Всего лишь знать, что где-то там твое сердце бьется...

На миг меня прижали сильнее, а потом с нежностью поцеловали в лоб.

– Элизабет, – сказал он. – Ты совсем еще дитя. И кто мог знать заранее, что ребенок способен на столь глубокое, столь сильное чувство... Элизабет. Я не встречал никого с таким большим сердцем, как у тебя.

Я грустно улыбнулась и провела ладонью по щеке мужа.

– Так зачем оно мне, Карл? Зачем мне это большое сердце, если рядом нет тебя?

Принц перехватил мою руку и поцеловал пальцы.

– Когда-то, будучи совсем ребенком, Элизабет, я отдал сердце одной выгоревшей дотла земле. Мне кажется, что я исчез именно тогда. Исчезли мысли, чувства, желания и надежды одного мальчишки, которому всегда казалось, что мир больше, чем кажется. С того момента, как я полюбил Черную Пустошь, полюбил по-настоящему, у меня не было ни одного личного желания или стремления. Все они оказались направлены лишь на благоденствие этого гордого и чудесного края. Я жил не чувствуя, я забыл, как это, пока боги не решили вознаградить меня за усердие и не подарили мне тебя.

– Меня? – пробормотала я. – Как?

– С тех пор, как увидел тебя, испуганную, нежную и такую желанную там, в Нефритовой пещере, у подножия собственной статуи, я ощутил, как забилось мое сердце. С тех пор я не переставал чувствовать, ощущать, дивиться красоте и великолепию этого мира, и даже немного злился на себя, когда чувства затмевали разум.

– Но, – прошептала я, чувствуя, как к щекам приливает привычное тепло. – Но ведь ты не знал меня... Совсем не знал...

– Я сам испугался, – улыбаясь, сказал муж. – После стольких лет холода и одиночества я впервые почувствовал, что

значит быть живым. И тогда же понял: в Черную Пустошь пришла жизнь. Забилося ее сердце.

– Но ведь было все... итак... – пробормотала я, думая, что не заслуживаю ни таких слов, ни таких сравнений.

– Было все, – согласился принц, – но без тебя.

– А теперь не будет тебя, – прошептала я горько.

– Нет, Элизабет, – не согласился принц. – Это не так. У Черной Пустоши теперь есть сердце, которое бьется, живое и такое огромное, что и сотни миров ему будет мало. Ты должна жить и любить, Элизабет. Должна быть счастливой.

– А как же... ты? – спросила я дрогнувшим голосом.

– Я навсегда останусь Хранителем Черной Пустоши, Элизабет. В то время как ты будешь самой ее сутью. Ты не позволишь разрушить дело моей жизни, не дашь пропасть моим научным открытиям и наработкам. Ты умна и намного сильнее, чем думаешь. Ты окружена верными нашему делу людьми, которые не оставят тебя в беде. В Черную Пустошь пришло процветание, теперь в нее должно прийти счастье.

– Но что я могу? Я такая слабая, я не справлюсь...

Твердые пальцы взяли меня за подбородок и подняли лицо вверх.

– Посмотри на меня, Элизабет, – позвал принц.

Я подняла взгляд и с размаху погрузилась в сапфировые воды, которые понесли быстрее ветра.

– Ты веришь мне? – произнес родной голос.

– Верю, – едва слышно прошептала я.

– Тогда иди и будь счастливой, – приказал мой принц. – И помни: где бы ты ни была, что бы ни происходило, я всегда с тобой, Элизабет. Я всегда держу тебя.

– Карл, – прошептала я, и мои губы накрыли поцелуем.

Прошла целая вечность, которая пролетела, как одно мгновение, когда принц произнес:

– Мне пора, Элизабет. Обещай не страдать. Обещай не мучить меня и себя.

– Пожалуйста, Карл, – взмолилась я. – Не уходи так быстро. Я прошу не за себя. За Дагрея. Он так любит тебя и так безутешен... Я... Я все сделаю, как ты сказал, я обещаю, только повидайся с братом. Пожалуйста, Карл!

Принц ласково погладил меня по щеке. Видя, что силуэт мужа становится прозрачным, я задержала его руку у своего лица, положив сверху ладони.

– Дагрей не маг, Элизабет. Он не увидит меня, даже если вздумаю хорошенько проучить его за страдания и самоедство, которыми изводит себя. Но я могу передать ему кое-что через тебя, и в его душе воцарится мир.

– Пожалуйста, Карл, – попросила я. – Я передам все, что ты скажешь.

– Тогда передай это, Элизабет, – попросил принц, и, нагнувшись ко мне, коснулся губами лба.

По щекам хлынули слезы, когда силуэт мужа принялся светлеть и истончаться. Но в этих слезах больше не было боли и страдания, было много щемящей сердце нежности и ти-

хой, еле слышной, грусти, похожей на мелодию из дивных садов Чертогов.

Глава 4

Ане Ахебак не нарушала тишины, пока я не осушила в несколько глотков пиалу и не поставила ее обратно на низкий столик. Я не успела отследить момент, когда на нем снова оказались все чайные принадлежности, как не заметила того, что мир, в котором прощалась со своим принцем сменился этим, привычным.

У меня не было сомнений в том, что произошедшее было реальностью, как и в том, что теперь знаю, как поступать, и не собираюсь тратить время своей жизни на тоску и страдания.

Красная Жрица улыбнулась мне и спросила:

– Придешь завтра?

Я покачала головой.

– Здесь очень хорошо, – проговорила я. – Не только в твоём доме, в Пустоши. Но сегодня прибыл гонец из Огненных Земель. Мне наказано явиться ко двору его величества пресветлого Радилита.

Ане Ахебак сощурилась и вытянула трубочкой пухлые губы, словно решает в уме сложную математическую задачу.

– Ты уже достаточно сильна, Элизабет, – наконец, сказала она, – а Огненные Земли – непростое место. Будь осторожна.

Я пожалала плечами.

– Не знаю, что еще может случиться, что могло бы вывести меня из равновесия, Ане Ахебак, – сказала я. – Конечно, тон приглашения не просто сухой, а неприятный и даже унижительный... И все же, как вы подметили, я уже достаточно сильна.

– Это меня и пугает, – проговорила Красная Жрица. – Тебе лучше не показывать свою силу, но держать ее наготове, как скрытый амулет. Правитель семи королевств опасен, Элизабет. Демонстрировать ему свое неповиновение или гордость – то же, что дергать за усы тигра.

Я задумалась.

– Я появлюсь при дворе в трауре, Ане Ахебак. Я буду достаточно осторожна внутри и смиренна снаружи, чтобы не распалить недоверия пресветлого Радилита, да славится имя его. Но мне кажется, вы преувеличиваете, когда говорите об его опасности, Ане Ахебак. Для других – быть может. Но я его единственная невестка. К тому же, он только потерял сына... Думаю, сухой тон послания объясняется именно этим.

Красная Жрица невесело улыбнулась и сменила позу. Локти поставила на колени и задумчиво положила подбородок на раскрытые ладони. Посидев так какое-то время, встрепенулась и снова заговорила.

– Ты сильна, Элизабет, в этом нет сомнений. Но ты все еще юна и неопытна. Запомни: для правителей, таких как его величество Радилит Сварт, не существует понятий родственных связей, для них нет сыновей и дочерей, нет своих

и чужих. Есть "мое" – и это мои земли, королевства, люди. И есть "чужое", которое нужно сделать своим. Ты для него даже не пешка на шахматной доске, ты пылинка, которую он, не задумываясь, смахнет, если заметит и решит, что представляешь угрозу для "своего".

– Что такое шахматная доска? И пешка? – переспросила я. Ане Ахебак отмахнулась.

– На моей родине есть такая игра, которая с помощью передвижения фигур по доске обучает воинскому искусству и философии. Это неважно. Важно, что Огненные Земли могут быть опасными для тебя.

– Я буду осторожна, – серьезно пообещала я.

Красная Жрица кивнула, и, прежде, чем я покинула ее обитель, попросила:

– Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не дергай за усы старого тигра. Дряхлый, немощный... тигр не перестает оставаться зверем. Опасным и безжалостным.

Домой я возвращалась в глубокой задумчивости.

Гвардейцы, которые, как и предсказывали Ксана и Мириам, не заметили моего отсутствия, молчали, время от времени переглядываясь за спиной, думая, что не вижу. На лицах у обоих написано сочувствие, от которого мне впервые за это время стало не по себе.

Едва поднялась по ступеням в замок, с наслаждением стянула блокирующую магию перчатки и протянула их присевшей в книксене мистрис Одли, которая ожидала меня.

– Господин Альре передал ваши распоряжения, принцесса, по поводу отъезда в Огненные Земли.

– Да-да, – рассеянно кивнула я ей. – Я была там маленькой девочкой. Помню только, что было жарко и все время хотелось пить. Понятия не имею, что брать с собой...

Прежде, чем мистрис Одли успела что-то сказать, я проговорила, положив ей пальцы на плечо:

– Полагаюсь на ваш вкус и ваш профессионализм, мистрис Одли.

Старшая камеристка присела в книксене, склоняя голову. Не дожидаясь, пока встанет, я прошла мимо, поглаживая дракончика на плече.

Вслед прозвучало растерянное:

– Может, желаете пообедать, ваше высочество? Или отдохнуть? Или, может...

– Я в библиотеке, в кабинете, – ответила я, не оборачиваясь.

– Чувствуете ли вы в себе достаточно силы?

– Пришлите ко мне Альре, когда увидите его.

Расположившись за столом черного дерева, я решительно придвинула стопку с нераспечатанными конвертами. Затем осушила стакан с прохладной водой, который чья-то заботливая рука оставила наполненным рядом с хрустальным графином, и приступила к распечатыванию конвертов.

Когда спустя полчаса в кабинет вошел Альре, рядом со стопкой вскрытых конвертов лежало несколько листов, каж-

дый из которых содержал дежурные фразы благодарности, которыми положено отвечать, когда тебе присылают соболезнования.

– Ваше высочество, – сдержанно сообщил о своем присутствии Альре, хотя глаза управляющего выдают удивление тем, как много я успела. Он явно не ожидал, что так скоро приступлю к делам.

– Рада видеть, Альре, – поприветствовала я управляющего. – Рада, что вы так быстро откликнулись на мою просьбу. Альре, мне понадобится секретарь, поскольку каждый раз обращаться к управляющему по каждой мелочи, в которых все еще не разобралась, высшая степень расточительности. Прошу, поскольку вы знаете людей, как никто другой, порекомендовать кого-то подходящего на эту должность. Сын или дочь из обедневшей дворянской семьи, вынужденный сам зарабатывать и прокладывать дорогу в жизни, пожалуй, подойдет лучше многих. По окончании службы я предоставлю рекомендации в соответствии с качеством исполнения.

– Слушаю, принцесса, – ответил Альре, чуть щуря глаза в скрытой улыбке. – Что-то еще?

– Секретарь понадобится по возвращении из Огненных Земель, – сказала я. – Распорядитесь, пожалуйста, чтобы пригласили гонца от секретаря его величества. Мне нужно передать ответ и устное заверение, что выезжаю ко двору в ближайшее время.

На этот раз Альре не сдержал улыбки, когда я подчеркну-

ла голосом, говоря "гонца от секретаря его величества".

Через несколько минут гонец, хмурый и злой, зашел в кабинет сопровождении тех же гвардейцев, что провожали его до отведенных покоев.

Глядя на меня исподлобья, он набрал воздуха, намереваясь начать разговор первым, но я опередила.

– Удобны ли условия, в которых вас разместили, уважаемый? Были ли мои люди гостеприимны с вами?

– Чересчур гостеприимны, леди Сварт, – ответил гонец, и, бросив затравленный взгляд на гвардейца за спиной, исправился: – Я хотел сказать, ваша светлость.

– В таком случае, вы достаточно отдохнули с дороги, чтобы отправляться в обратный путь? – спросила я, на глазах посла запечатывая ответ его величеству и убирая свиток в длинный тубус из черного дерева с золотым вензелем. – Или желаете воспользоваться нашим гостеприимством и ночью?

Посол скривился, что видимо, обозначало усмешку.

– Я и рад бы, ваша светлость, но у меня приказ незамедлительно вернуться в Огненные Земли.

– Это делает вам честь, как слуге, – сообщила я. – Я обязательно уведомяю графа де Шевье, личного секретаря Его величества о том, что вы проявили чудеса исполнительности. В таком случае, не смею вас задерживать.

С этими словами я положила черный тубус на край стола и выразительно посмотрела на гонца.

В наступившей тишине я слышала, как человек с хищ-

ными, как у хорька, чертами, скрипнул зубами.

– У меня приказ, принцесса, – процедил он.

– Так исполняйте его, – милостиво разрешила я, кивая.

– У меня приказ, ваша светлость, доставить... то есть сопроводить вас ко двору, – с трудом сдерживая злость, проговорил гонец.

– Напомните свой титул, милейший, – попросила я, поджимая губы.

– Мое имя Рене фон Сенто, ваша светлость, – сообщил гонец. – Начальник первого гарнизона дворцовой стражи его величества Радилита Сварта.

– Да славится имя его, – тоном благовоспитанной леди подхватила я.

– Да славится имя его, – сверкая глазами от ярости, повторил за мной Рене Сенто.

– Не думаете ли вы, уважаемый Рене фон Сенто, что леди из дома Гриндфолд, принцесса и правительница целого королевства будет путешествовать в сопровождении человека вашего положения, пусть и весьма исполнительного?

По лицу гонца, который оказался начальником гарнизона видела – ему есть, что ответить. Но все же не стала ждать, когда это сделает, и продолжила говорить сама.

– Со стороны его светлости графа де Шевье было очень мило обеспокоиться моей безопасностью настолько, что в качестве гонца он прислал начальника гарнизона дворцовой стражи. Однако, наверно, он запамятовал, должно быть, из-

за груза ответственности на его плечах, о нормах этикета, принятых в приличном обществе.

– Если граф де Шевье чего-то и не учел, ваша светлость, то это того, что вы столь быстро оправитесь от траура, – попытался нанести болезненный удар начальник гарнизона, отчего лица гвардейцев и Альре, что присутствует при разговоре, побагровели. Но на моем не дрогнул ни единый мускул.

Указав жестом на количество неотложных дел, которые находятся на письменном столе в виде корреспонденции, я выразила сожаление, что не могу уделить "уважаемому гонцу" больше времени.

– Передайте графу де Шевье, что я выезжаю следом за его гонцом в окружении, приличествующей леди моего положения, свиты.

С этими словами я взялась за перо, показывая, что аудиенция окончена и, только когда осталась наедине с Альре, облегченно выдохнула, с удивлением проследив, что перо с хрустом переломилось пополам в моих пальцах.

– Вы бледны, принцесса, – произнес Альре, – может, вам угодно прерваться на обед или отдых?

– Я не больна, Альре, – качая головой, ответила я. – И не устала. Почти. Хотелось бы быстрее покончить со всем этим... И быстрее вернуться из Огненных Земель, чтобы заняться, наконец, чем должно: Черной Пустошью.

– Вам нужна помощь с корреспонденцией, принцесса? Или с чем-нибудь другим? – спросил Альре, и я покачала

головой.

– Я почти закончила. Если не сложно, отдайте распоряжение, чтобы принесли какао и что-нибудь сладкое прямо сюда. Мне нужно еще посетить лабораторию и поговорить с Николаусом Шеро до отъезда. Не хотелось бы отвлекаться на все эти обеденные церемонии.

Я склонила голову над столом и какое-то время словно со стороны наблюдала, как перо, приводимое в движение моей рукой, быстро и старательно выписывает на бумаге дежурные фразы, а затем ставит размашистую подпись.

Дверь открылась с тихим скрипом, впуская внутрь того, кто принес мне небольшой перекус. Не поднимая головы, я поставила подпись на нижней половине листа и попросила:

– Будьте добры, поставьте прямо на край стола. Благодарю.

– Что поставить? – недоуменно произнес низкий знакомый голос.

Подняв голову, я рассеянно улыбнулась виконту де Жерону и пояснила:

– Какао.

Виконт тут же обернулся на дверь, словно распоряжение о какао отдала не я, а он. При этом облизнул пересохшие губы.

– Воды? – участливо спросила я и указала глазами на графин, что стоит на письменном столе между двумя бокалами.

– Да, пожалуй, – ответил виконт.

Я сделала приглашающий жест и сказала:

– Угощайтесь.

Затем вновь склонилась над корреспонденцией.

Чеканным шагом виконт приблизился, и, налив воды в мой бокал, устроился в удобном кресле с резными ручками.

– Вы обедали, леди? – спросил он. – Вы бледны.

– Вы сговорились, – пробурчала я и добавила неохотно: – Цвет лица придет в норму, когда надышусь воздухом. Довольно скоро. В Огненных Землях.

– В каких Огненных Землях? – переспросил виконт, поперхнувшись.

– К сожалению, в наших королевствах одни Огненные Земли, виконт, – ответила я. – Других нет.

Поморщившись на чересчур пристальное внимание де Жерона, я пояснила:

– Пришло приглашение явиться ко двору его величества.

При этих словах Диларион слишком сильно запустил коготки в плечо и, когда я вздрогнула, выпустил облачко черного дыма. Я изумленно повернула голову к питомцу, отметив, что он быстро оправился от болезни, и даже будто стал сильнее.

– Ваш нетопырь попрос, – невпопад проговорил де Жерон, проследив мой взгляд, и, нахмурившись, переспросил: – Вы сказали, пришло приглашение? Учитывая ваше положение, леди, должны были прислать гонца.

– Прислали, – заверила я и, поджав губы, добавила: – Начальника одного из гарнизонов дворцовой стражи.

Виконт нахмурился, а я взяла со стола свиток с волей пресветлого Радилита и протянула ему. Привстав, де Жерон взял свиток из моих рук и, усевшись на место, тут же пробежался глазами по написанному.

Лицо побледнело, на щеках дернулись желваки, и мне, как магу, стало понятно, это от гнева.

– Не слишком вежливый тон послания, – подтвердила я.

– Не слишком вежливый? – переспросил де Жерон. – Вы получили прекрасное воспитание, леди, раз называете это таким образом. На море и в казарме выражаются иначе.

– Прошу избавить меня от подробностей, – проговорила я, а виконт задумчиво пожевал губами.

– Выезжаем завтра рано утром, – сказал он.

– Выезжаем? – переспросила я, а когда виконт кивнул, напомнила: – Что-то не припоминаю, господин виконт, что приглашала вас сопровождать меня ко двору.

– Госпожа Сварт! – рявкнул виконт, отчего я подпрыгнула на месте, и пока таращила глаза на своего деверя, тот добавил уже тише: – Вы, похоже, не понимаете, леди, чем этот тон, как вы изволили выразиться и это послание грозит вам. Если бы к вам не обратились в послании "Сварт", вы и вовсе не покинули бы этого дворца.

Поборов вспышку гнева, я задумчиво проговорила:

– Вы повторили слова Альре, господин виконт. Господин управляющий заметил, что если бы ко мне не обратились по имени дома мужа, он бы сделал все, что в его силах, чтобы

воспрепятствовать моей поездке.

– Господин управляющий мудр, леди, – буркнул виконт. – Но слишком корректен и питает к вам слабость. Я не он, и я говорю прямо – случись такое, вы вовсе не покинули бы дворец. Сейчас же покинете только под моим присмотром.

Я уже забыла, что при разговоре с виконтом дыхание часто перехватывает от гнева. Поэтому, прежде чем ответить, досчитала про себя до десяти, как учила Бенара.

– На каком основании... То есть, я хочу сказать, кто дал вам право так разговаривать со мной? Таким тоном? Я не говорю о том, что вы командуете в моем кабинете, как у себя в казарме, или где вы привыкли командовать?

Виконт встал и, налив еще один бокал воды, залпом выпил, глядя на меня сверху-вниз.

В этот момент дверь открылась, впуская Лану и Вету.

Девушки присели в книксенах, а затем споро водрузили подносы с едой на письменный стол и, пожелав нам с господином виконтом приятного аппетита, удалились.

Проводив девушек рассеянным взглядом, виконт устался на переполненные подносы с таким видом, словно месяц голодал. А когда взял в каждую руку по бутерброду, поняла, что моя догадка недалека от истины: после нашего разговора виконт поспешил привести себя в порядок, но о том, что обещал поесть, явно забыл.

Глядя, как оба бутерброда исчезли практически в мгновение ока, а им на смену пришли другие, я, сглотнув, после-

довала примеру де Жерона. Лишь когда голод перестал напоминать о себе ворчанием в животе, решила вернуться к разговору.

– Вы должно быть, исповедуете мудрость философии гедонизма, господин виконт, – проговорила я. – А именно один из главных ее постулатов: когда я ем, я глух и нем. В вашем случае я бы добавила еще, и забывчив. Но все же впредь попрошу следить за словами, поскольку никакого права разговаривать со мной в приказном тоне у вас нет.

– Право поверенного Карла, – сказал виконт, нахмурившись.

– Но не моего поверенного, – отрезала я.

– В таком случае, леди, позволю себе напомнить, что я – ваш деверь. И родственная связь предписывает мне опеку над слабой женщиной, – заявил виконт и налил себе какао, а когда отпил, добавил: – Слишком сладко.

Он поморщился, но все же допил содержимое чашки и, перехватив мой взгляд, который не предвещал ничего хорошего, торопливо проговорил:

– Леди вашего положения нельзя без опеки. Подумайте, что скажут люди. Это в правилах, как раз-таки, этого, вашего, хорошего тона.

Я всплеснула руками.

– И это вы мне говорите о хорошем тоне, господин виконт.

С этими словами я окинула взглядом корреспонденцию и, убедившись, что ни одно письмо не осталось без ответа,

встала из-за стола и направилась к выходу.

– Могу я узнать, куда вы направляетесь, леди? – спросил виконт, поднимаясь вслед за мной.

– У меня совершенно нет времени спорить с вами, господин виконт, – отрезала я. – И раз вы можете лишь строить из себя опекуна и вещать о правилах хорошего тона, попрошу Николауса показать механизмы, с помощью которых его высочество перекрыл возможность прокладывать порталы в Черную Пустошь с северных земель. Я должна убедить-ся, что моим людям ничего не грозит, пока буду в отъезде.

– Вашим людям и вашему зверю, миледи, – сказал виконт будничным тоном, покидая малый зал библиотеки вслед за мной.

Дракончик на плече недовольно пискнул, словно понял, что речь о нем. Я провела ладонью по гладкой спинке, успокаивая малыша, и несколько резко проговорила:

– Да что вы возомнили о себе, виконт! Неужели забыли, что Диларион – питомец, с которым у меня, как у мага, кровная привязка? И о том, как он дорог мне?

– Я никогда ни о чем не забываю, леди, – ответил де Жерон, протягивая мне локоть, чтобы помочь спуститься по лестнице.

Когда я проигнорировала его жест, недовольно поджал губы и продолжил:

– Ваш муж и мой брат был магом, миледи. Хоть и не пользовался своим даром – сильным магом. От него я знаю о ма-

гии больше человека с улицы. Знаю и то, что привязку с питомцем -драконом делают только сильным.

– Это правда, виконт, – подтвердила я. – Я и вправду хороший маг.

Виконт кивнул.

– Не сомневаюсь, леди, – сказал он. – Именно поэтому вам надлежит оставить Дилариона дома. Не стоит лишний раз напоминать пресветлому Радилиту о вашей силе. Так будет лучше для вас и вашего любимого питомца.

– Вы считаете, что это опасно для дракончика? – спросила я и виконт снова кивнул.

Он открыл передо мной боковую дверь в сад, и, выйдя следом, продолжил:

– Покажете пресветлому Радилиту вашу слабость – и будьте уверены, вам нанесут удар в самое уязвимое место. То, что вас призывают ко двору в спешке, несмотря на траур, говорит об одном: правителю что-то нужно от вас. Не будьте глупой, Элизабет, не давайте своим врагам оружие против вас.

– Наш правитель не враг мне, – ошарашенно проговорила я.

– Судя по тону письма, я бы этого утверждать не стал, – серьезно заметил виконт. – Сколько раз вы были при дворе? Один? Два? Маленькой девочкой, прежде, чем родственники увезли вас в Аварон? Лиззи, вы можете кривить губы, сколько угодно, но все же я знаю двор, а вы нет.

– Но вы разве... – начала было я, но осеклась.

– Пока меня никто не назвал в лицо бастардом, – горько усмехнувшись, сказал виконт. – Титул, который дал мне человек, взявший в жены мою мать, может, не вполне громкий, но весомый. Да и звание поверенного принца Карла Сварта в свое время открыло многие двери. Двор – это клоака, Элизабет. Мусорная куча и змеиное гнездо в одном сосуде. Вам следует быть осторожной, отправляясь туда, когда вы лишились защиты и опеки Карла. Но следует быть осторожней в десять раз, прежде чем выставлять напоказ свою силу и свою слабость.

Впереди показалось крыло, в котором располагается лаборатория, и я остановилась, не желая заканчивать разговор при посторонних.

Диларион взлетел с плеча и сделал над нами круг, выпустив тонкую струйку пламени, словно показывал, что намерен защищать хозяйку от всего мира.

– Он совсем маленький, – прошептала я, – и никогда не оставался один надолго... Но судя по вашим словам, де Жерон, при дворе мне следует быть незаметной, как мышь.

– Именно, – серьезно сказал виконт. – Доверьте главную роль мне. Не так давно сам принц назначил меня вашим опекуном, и сейчас вам следует довериться моему опыту и знаниям.

– Одно дело довериться опыту, другое слушать ваши приказы, – не выдержала я. – Все же, вам следует быть сдержаннее в словах и суждениях.

– Слушаюсь, госпожа, – сказал виконт таким грозным тоном, что враз расхотелось спорить.

Николаус Шеро ожидаемо нашелся в подземелье лаборатории, весь в саже, в рваном камзоле и портках, но с ошалелыми от счастья глазами. Я удивленно подняла брови, когда обнаружила рядом с ним Лану с блюдом сдобных булочек.

Пискнув "простите", как будто случайно наступила кому-то на ногу во время прогулки, Лана присела в книксене и, оставив блюдо с булочками на длинном узком столе, скрылась.

Рассеянно проводив девушку взглядом, я успела мысленно посочувствовать ей: даже мне, стороннему наблюдателю была понятна тщетность ее попыток привлечь внимание мага. Такой как он вряд ли способен заметить рядом хорошенькую девушку, если можно сунуть нос в разноцветные алхимические порошки и реактивы.

Николаус кивнул виконту, как старому знакомому, и, услышав мою просьбу показать механизм, не дающий прокладывать в Черную Пустошь темные порталы, пригласил за собой.

К моему изумлению, мы спустились еще на несколько этажей вниз и оказались в пещере, смутно напоминающей те, что видела на Восточных рудниках. Благодаря мерному све-

ту от разноцветных кристаллов, которые сверкают в стенах, она полностью освещена. А места оказалось столько, что хватило бы для двухэтажного дома.

– Наше королевство пролегает на стратегически важной территории, – сказал виконт де Жерон, – думаю, это вы уже поняли. В старину было время, когда жители Пустоши скрывались под землей от напастей с севера, потому что враждебные племена отчего-то опасались спускаться под землю. Наш народ не знал причины этого, но с успехом пользовался особенностью врагов. Сегоднешнего врага, будь он проклят, не сдерживают ни пещеры, ни границы королевства. Находясь в поиске орудия, которое поможет одолеть такого сильного мага, как Каравара, Карл работал над этим механизмом, который поглощает энергию, излучаемую темными порталами.

– Да-да, принцесса, – подтвердил маг и, не церемонясь, ухватил меня за руку и подтянул к высокому, в три человеческих роста, механизму. – В отличие от Молнии гнева, которая пока не далась нам в руки, это изобретение удалось его высочеству. И удалось блестяще! Видите, принцесса, принцип механизма в кристаллах, что установлены в центре.

Убедившись, что я хорошо рассмотрела голубоватые и зеленоватые кристаллы, опутанные непонятными трубками с несколькими отверстиями, маг продолжил:

– У этих кристаллов, найденных в самых глубоких шахтах Восточных рудников, его высочество обнаружил одно интересное свойство: они поглощают энергию. Если в пещеру, где

они растут, зайдет бодрый, полный сил человек, буквально через минуту он начнет зевать, потом усядется прямо на каменный пол, а затем поймет, что лежать – еще удобнее, чем сидеть, и, наконец, вскоре сладко засопит, подперев кулаком щеку.

Я хмыкнула, оглянувшись на виконта, а тот кивнул и сказал хмуро:

– И это будет его последний сон. В пещере, из какой добывали эти кристаллы, нашли множество костей разной степени тлена.

– Какой ужас, – ахнула я, закрывая рот ладонью.

Маг приосанился, словно это он отважно спускался в пещеру и лично поднимал наверх каждый из кристаллов.

– Именно поэтому, принцесса, этот механизм установлен так глубоко под землей, – пояснил он и нехотя, словно только вспомнил, добавил: – Правда, для нас он неопасен.

– Неопасен? – переспросила я. – Вы уверены?

– Совершенно, – хмыкнул виконт. – Видите это? Карлу удалось не только в сотни раз усилить мощь кристаллов, но и перенаправить их работу на энергию, которая выделяется при прокладывании темных порталов.

– Такие установлены по всему периметру границы с холодными землями, – сказал маг и любовно похлопал механизм по гладкому боку, как воин ласкает доброго коня, и я успела подивиться перемене, произошедшей с ним.

Несмотря на перепачканное сажей лицо, на подземелье с

затхлым, сырым воздухом, на неверные тени и пугающую мощь машины, что стоит перед нами. Он приосанился, расправил плечи, и вид у него точь-в-точь у полководца, который хорошо отдохнул перед боем.

Внезапно что-то кольнуло изнутри, я дернулась, Диларион взлетел с плеча и горделиво уселся на самую макушку механизма, а виконт, который отошел на несколько шагов, в мгновение ока оказался рядом.

– Что-то не так, Элизабет? – спросил он.

Маг тоже обернулся, сверкнув глазами, как звездами.

– Нет-нет, все в порядке, я просто вспомнила плен у Каравары и подумала: а можно ли настроить эти кристаллы таким образом, чтобы они поглощали не только энергию темных порталов, но и магическую энергию? Любую?

Темные глаза мага чуть не вылезли из орбит, а виконт, скрестив руки, посмотрел на меня таким долгим взглядом, что я вынуждена была отступить на шаг.

В следующий момент я вздрогнула, когда Николаус хлопнул меня по плечу, а брови виконта поползли на лоб.

– Прошу извинить, леди, Дагрей, – пробормотал маг с отсутствующим видом. – Мне срочно надо посмотреть кое-что в записях принца. Элизабет, вам не говорили, что вы гений?

– Конечно, говорили, – излишне торопливо подтвердила я, устремившись к лестнице вслед за магом. – Каждый день говорили, в Авароне. Здесь к умным женщинам несколько другое отношение.

– Кто вам такое сказал, леди? – воскликнул сзади виконт и я прибавила шаг, почти перепрыгивая через ступеньку.

Когда дневной свет в окнах, сменился светом подземных кристаллов, я сказала магу:

– Я распоряжусь перед отъездом, чтобы вас пустили в покой мужа. Он работал и оставлял записи не только в лаборатории.

– Благодарю, принцесса, – с жаром произнес Николаус и зачем-то потряс мою руку, а я успела отметить, что хватка у мага стальная, несмотря на некоторую сублищность. – Вот где ваше место, как мага, со всеми идеями и мыслями, здесь, в лаборатории! Нельзя ли не ездить туда... Куда вы собираетесь ехать?

– К сожалению, нельзя, Николаус, – ответила я и на миг почувствовала себя в Авароне, словно говорила не с недавним арестованным, а с одним из приятелей Нинель из Альма-Матер при Ковене.

– побыстрее возвращайтесь, – сказал он. – Быть может, к вашему возвращению я смогу воплотить мечту его светлости и создам Молнию гнева!

– Об этом смертоносном оружии нам рассказывал наставник, – задумчиво пробормотала я. – Только изготавливается оно с помощью самой опасной из магии стихий: грозовой магии... Будь осторожен.

– Э, принцесса, так ведь в том-то и соль! Если мы получим Молнию гнева без магического вмешательства... Это...

Это...

С этими словами Николаус зарылся носом в толстую тетрадь с желтыми краями и перестал замечать окружающий мир.

Покидая лабораторию через выход во дворцовый парк, я протянула руку виконту, который помог мне спуститься, и, когда сошла со ступеней, задумчиво проговорила:

– А ведь он прав. Мое место здесь. Как же не хочется ехать!..

– Все будет хорошо, Элизабет, – заверил виконт. – Все будет хорошо. Я буду рядом.

Я подумала, что момент как нельзя лучше подходит, чтобы передать Дагрею де Жерону послание от брата. Но когда представила, как буду это делать, смущенно попросила меня извинить и отправилась лично проследить за приготовлениями в дорогу.

Глава 5

Мы выехали ранним утром, когда солнце еще не встало, и на горизонте белела лишь полоска света. Хотелось спать, а тело при каждом движении отзывалось утренней скованностью и жаждой отдыха, которого в последнее время не хватает.

Мои попытки убедить виконта, что могу ехать верхом, были встречены резким отказом. И после получаса споров и уговоров пришлось сдаться.

Разместившись в экипаже, я вытянула ноги и положила их на противоположное сидение. Мягкие подушки прогнулись, а в икрах возникло ощущение невесомости.

Уставившись в окно, где рассвет медленно, но уверенно вступает в свои права, я думала о дракончике, которого пришлось оставить в Городе-крепости. Он так жалобно пищал, когда Альре уносил его, сманивая сладкими булочками, что до сих пор слышу его пронзительный голосок. Но слова виконта по поводу двора поселили зерно сомнения в душе, а вместе с ним и беспокойство за маленького питомца. И когда де Жерон сказал, что дома ему будет безопасней, я поверила.

Теперь я еду в гордом одиночестве экипажа, покачиваясь на кочках и чувствуя, как слипаются веки. Видимо, меня убаюкало потому, что через некоторое время перед глазами по-

плыли картины из прошлого, вначале далекого, где по коридорам ходит Бенара, а на коврике носится рыжеволосая Нинель. Потом пошли образы больше похожие на реальность. Виконт де Жерон на носу корабля, малышка Мириам. Но, когда в тумане нарисовалось лицо Карла Сварта, я вздрогнула и проснулась.

Видимо, вскрикнула, потому что к окну дормеза подъехал гвардеец и, наклонившись, спросил:

– С миледи все в порядке? Или позвать господина виконта?

Пока дремала, успела сползти на самый край сидения, и теперь сижу, как непослушное дитя за обедом, которое пытается спрятаться под стол. Быстро сев, как положено, я поправила волосы и проговорила:

– Спасибо, не нужно. Со мной все в порядке.

– Уверены, миледи? – проговорил гвардеец. – Вы бледны.

– Это от недосыпа, – поспешила я успокоить его.

Гвардеец промолчал, но по лицу поняла – не поверил ни капли. Еще раз смерив меня обеспокоенным взглядом, он выпрямился на лошади, и чуть пришпорив коня, умчался вперед.

Оставшись в одиночестве, я выдохнула и снова стала смотреть в окно. Только теперь поняла, что после приезда в Пустошь минуты, когда можно побыть наедине с собой стали на вес золота. Но сейчас это уединение приправлено горькой микстурой.

Небо на востоке посветлело, окрасившись в розовые и сиреневые тона, запел утреннюю песню соловей и оказалось, что мир не так суров. В голову пытались лезть мысли обо всем, что произошло и о том, что ждет впереди, но я усиленно гнала их прочь, стремясь запомнить момент уединения и покоя.

После беседы с Ане Ахебак и встречи с принцем, все, что произошло на границе холодных и теплых земель стало размытым, похожим на туман. А в памяти остались слова его светлости, в которых он просил быть счастливой. Еще неделю назад, такая просьба казалась бы кощунственной, но сейчас было ощущение, что это единственно верный способ чтить память великого правителя.

Топот копыт с другой стороны экипажа усилился, а когда повернулась, увидела в окне виконта. Лицо уставшее, синяки под глазами сошли еще не до конца, а из-за белых волос он напоминает ожившего духа.

– Гвардеец сказал, что вы бледны, – произнес он.

Вздохнув, я покачала головой и ответила:

– Гвардеец очень любезен, но слишком беспокоится. Я в порядке. Просто не привыкла к таким ранним пробуждениям.

– Все же я бы хотел убедиться лично, – сказал виконт.

Сил удивляться не было, но я все же спросила:

– Каким образом?

– Я некоторое время проеду в экипаже, – просто сообщил

ВИКОНТ.

Он свистнул кому-то, тут же послышался топот копыт, а де Жерон, не останавливая движения, перепрыгнул на ступеньку дормеза и переместился внутрь.

Я вытаращилась на него круглыми глазами, пытаюсь понять, к чему такие трюки, но виконт, похоже, не заметил, что сотворил. Он сел на противоположное сидение и стал рассматривать меня, как делает это лекарь. От такого пристального внимания стало не по себе и, вопреки всему, ощутила, как теплеют щеки.

– Господин виконт, – сказала я, – мне кажется, вы слишком усердствуете.

Но он остался сосредоточен и серьезен. Лишь, спустя несколько минут, словно до чего-то додумался, облегченно выдохнул и откинулся на мягкую спинку.

– Да, действительно, вы в порядке, – произнес он. – Но измотаны. Я должен извиниться за столь ранний подъем, но путь в Огненные Земли не близкий, и некоторые места лучше проезжать утром.

– Почему? – спросила я.

– Вы сами увидите, – ответил де Жерон и, вытащив из кармана бутыль, протянул мне. – Сделайте три глотка. Это поможет вам отдохнуть. Три глотка, не больше. Запомнили?

Я с сомнением покосилась на маленькую, увитую стеклянными ветками бутыль, но кивнула и приняла. Когда открыла, носа коснулся сладковато-мятный аромат и, после пары

секунд раздумий, я совершила ровно три глотка.

Вернув бутылку виконту, с изумлением обнаружила, что конечности обмякают, тело наполняется приятной тяжестью, а меня снова погружает в дрему.

– Что это было? – спросила я, укладываясь на сидение и подсовывая под голову подушку.

– Это настой леонуруса, пайонии и валерианы, – сообщил де Жерон, убирая бутылку обратно в карман. – Его готовит достопочтенный лекарь Вискольд специально для таких случаев. Приготовление очень трудоемкое, но оно стоит того. Выспитесь, леди Элизабет. Нам нужно, чтобы при дворе все увидели сильную и крепкую принцессу, несмотря на...

Он осекся, сглатывая комок, от чего кадык прокатился вверх-вниз, но потом резко выдохнул, словно злясь на себя, и продолжил:

– Несмотря на испытания, которые обрушились на Черную Пустошь.

Уже засыпая, я видела, как его мутная фигура приблизилась и укрыла меня, а затем так же, на ходу покинула дормез. В этот раз я спала без снов, глубоко и крепко.

Проснулась от того, что кто-то трогает меня за плечо. Когда открыла глаза, обнаружила лицо виконта с тревогой вглядывающегося в меня. Когда увидел, что открыла глаза, отпрянул, а я оперлась на локти и села.

– Не берите это в привычку, – проговорила я хриплым от сна голосом и потерла глаза.

– Беспокоиться о вас? – спросил виконт.

– Будить, когда сплю, – пояснила я и, зевнув, прикрыла рот ладонью.

Виконт опустил на самый край сидения, словно не планирует долго засиживаться и произнес:

– Вообще-то, я опасался, что вы выпили больше сонного настоя, чем следовало и теперь проспите до конца путешествия. Но, судя по вашему состоянию, это была не такая плохая идея.

Я снова потеряла глаза, которые после крепкого сна никак не хотели наводить резкость и, лишь когда мутные черты де Жерона вновь стали четкими, спросила:

– Вы за этим меня разбудили?

Он покосился в окно и проговорил уже серьезно:

– Мы движемся на юг в сторону Огненных Земель. В Черной Пустоши законы работают, но чем ближе к границам, тем сложнее управлять людьми. Наши форпосты крепки, но все же стоит быть настороже. Не хочу пугать, просто лучше вам не спать, когда так удалились от Города-крепости.

Захотелось ответить что-нибудь отрезвляющее в тон виконту, но выражение его лица и взгляд ясно дали понять, что в его словах нет и доли шутки.

Я выпрямила спину и проговорила:

– Я поняла вас, господин виконт. Теперь не сомкну лаз, пока вы не изволите разрешить.

– Я не лишая вас сна, – поспешил оправдаться де Жерон,

но я вскинула ладонь и прервала его.

– Не стоит объяснять, – сказала я. – В дороге мне придется слушать вас, даже если придется не спать до самого дворца его величества.

Лицо виконта потемнело, от чего сходство с братом усилилось, и я поспешно отвернулась, не желая беречь только начавшую затягиваться рану.

– Вы пытаетесь выставить меня мучителем и чудовищем, – донеслось из-за спины неожиданно тихо, – но это все ради вашей безопасности.

Потом скрипнула дверца, и я, не оборачиваясь знала, что де Жерон на ходу взлетел на скакуна. Я вздохнула и уставилась в окно. За ним проплывает далекий лес, над которым в тучах поднялось солнце. В просветах его лучи кажутся серыми, а поле, которое отделяет тракт от леса, мрачным и зловещим.

В груди заворчалось неприятное предчувствие, но я поспешила его отогнать, решив, что виной всему недавние трагические события, недосып и пасмурная погода.

Через некоторое время мы въехали в лес, стало еще мрачнее. Вековые стволы поросли мхом, кроны такие плотные, что кажутся сплошной шапкой, а запах сырой земли заставил поежиться. Когда где-то в глубине ухнула птица, я отсела от окна и постаралась не смотреть во мрак, который магов пугать не должен. Но мне казалось, что мы движемся не просто через лес, а сквозь древнее существо, живое и наде-

ленное разумом, которое оценивает нас, прикидывая, пропустить или нет.

От напряжения меня стало потряхивать. В отсутствии дракончика показалось, что лишилась здоровой доли силы, а когда жуткая птица снова ухнула, я высунулась в другое окно и позвала:

– Господин виконт!

Де Жерон возник на коне откуда-то справа и спросил озабоченно:

– Что-то случилось?

– Эм... нет, – пробормотала я, не желая признаваться, что испугалась старого леса, как деревенская простушка. – Просто хотела поинтересоваться, что это за места? Мы все еще в Пустоши?

Уголки губ де Жерона чуть приподнялись, словно он понял, о чем думаю, но ответил:

– Поверьте, когда мы покинем Черную Пустошь, вы поймете. Но вам не стоит стыдиться опасений...

– Я не стыжусь! – выдохнула я и тут же закрыла рот, запоздало поняв, что проговорила.

Ожидала, что виконт скажет что-нибудь едкое, но он продолжил, словно не заметил:

– Вам не стоит их стыдиться потому, что это и впрямь древний лес. Если верить рукописям, он был древним еще когда эльфы не покинули Эльфарию. Охота в нем запрещена. Впрочем, даже если бы была разрешена, никто не полез бы

стрелять местную живность.

– Здесь живут такие сознательные люди? – спросила я, воодушевленная мощью законов и силой их исполнения.

Виконт пожал плечами, а конь под ним закивал.

– Как вам сказать, Элизабет, – проговорил де Жерон, – послушаться законов Черной Пустоши решится не каждый. Но даже самый отчаянный пройдоха добровольно не пойдет в этот лес. Никто не знает, какие звери здесь обитают и как реагируют на людей.

По мне прокатилась холодная волна, я нервно сглотнула и покосилась на темные деревья, которые молчаливо проплывают за виконтом.

– Значит, мы в опасности? – спросила я сдавленно.

– Опасность есть везде, – ответил виконт, снова напомнив принца, – но смею вас заверить, пока мы на тракте, ни одно животное нам не угрожает. Если следовать строго по дороге, не ломать ветки, не трогать животных и не срывать растений, этот лес пропустит любого. А то и поможет доехать до места в целости и сохранности. Но да помогут пресветлые боги тому, кто навредит этому древнему исполину.

Теперь я поняла, почему у меня возникло ощущение, что за нами наблюдают. Лес действительно оказался живым и смотрел на нас сотнями глаз. Несмотря на свою магическую природу, от нахождения в нем становилось не по себе.

– Скажите, виконт, нам придется делать остановку здесь? – поинтересовалась я, стараясь, чтобы голос прозвучал уверенно.

чал уверенно.

Он бросил на меня быстрый взгляд, в котором уловила то ли обеспокоенность, то ли усмешку, и ответил:

– В лесу останавливаться не где, но мы совершим привал в деревне. Она сразу за ним, на окраине.

– А долго ли до этой деревни? – спросила я слишком поспешно, и виконт не сдержал улыбки.

– Три часа езды, – сказал он.

Представив, что придется еще три часа смотреть на темные стволы, корявые ветки, похожие на пальцы, которые тянутся, чтобы схватить и утащить в чашу, слушать жутких птиц, я втянула голову в плечи. Подождав пару секунд, пока мысли перестанут скакать как испуганные белки, спросила:

– А у вас не найдется еще немного этого сонного настоя? На этот раз виконт усмехнулся.

– Вы и так из-за него спали слишком долго, – сказал он. – Придется засыпать своими силами. Или наслаждаться видами древнего леса, его голосами и шорохами. Посмотрите вон на тот дуб. Правда, он прекрасен?

Я перевела взгляд куда указал виконт и едва сдержала оханье. По правую сторону от дороги одиноко возвышается дуб, больше похожий на гигантского зверя со множеством конечностей. Зверь застыл в попытке дотянуться до неба, но так и не приблизился к цели, а теперь ему приходится пускать ветки прямо из ствола. Они покрывают его, словно ожившие шипы, колышутся, хотя ветра нет и поскрипывают, перего-

вариваясь друг с другом.

Шумно сглотнув, я проговорила:

– Действительно. Просто прелесть.

Виконт хмыкнул, а я скрылась в дормезе, не желая выслушивать неуместные колкости от де Жерона и наблюдать лес, который наблюдает меня.

Как ни пыталась отвлечься от дороги, внушить себе, что я маг и такие глупости не могут меня напугать, каждый раз, когда неведомая птица страшно кричала, я вздрагивала и вжималась в спинку. Очень хотелось прочитать заклинание бесстрашия, но я не была уверена, что имею право это делать даже здесь, на таком расстоянии от Города-крепости. Я мечтала о дракончике, которого могла бы обнять, и все страхи мигом улетучились бы.

Когда подумала о Диларионе, показалось, что страх перед лесом усилен именно отсутствием питомца, и стало немного спокойнее. Сама мысль, что пришлось разлучиться с ним вызывала тоску, а значит, другие эмоции тоже подвержены сомнениям и тревогам. Виконт же, несмотря на заверения о защите и всяческой помощи, только подливает масла в огонь и пугает.

Так, успокаивая себя и ругая бестактность де Жерона, не заметила, как темные стволы пошли реже. И, лишь когда появились березы, я вновь выглянула в окно.

К своему изумлению обнаружила виконта, который едет чуть позади двери дормеза. Лицо сосредоточенное, губы со-

мкнуты в полоску, взгляд, как у хищного зверя, готового броситься в атаку при любом намеке на опасность.

Заметив меня, он резко переменялся, словно не хотел, чтобы видела, как сосредоточен, и произнес спокойно:

– Вам удалось поспать? Или все же воспользовались моим советом и созерцали красоты древнего леса?

Я делано улыбнулась и ответила нарочно сладким голосом:

– Спасибо, виконт. Как же я могла сомкнуть глаза, когда вокруг столько мрачных деревьев, прекрасных в своей древности, неведомых птиц и зверей, названия которым алхимики не придумали?

– Я рад, что вам понравилось, – произнес де Жерон.

– Виконт, – проговорила я уже серьезно, – в следующий раз, когда решите везти меня через такие места, извольте предупредить.

Дагрей де Жерон потемнел лицом и пришпорил коня. Поравнявшись с окном дормеза, он сказал:

– У вас нет оснований сомневаться в моих словах, Лиззи. Если я сказал, что на дороге безопасно, значит это так. Вы можете не верить мне в вопросах выбора платьев, управления камеристками, и даже в обращении с механизмами лаборатории. Но в безопасности я понимаю.

– Карлу это не помогло, – вырвалось у меня.

Я спешно зажала рот обеими ладонями, с ужасом понимая, что сказала.

Виконт резко побледнел. Его сапоги ударили коня в бока так, что животное заржало и с места сорвалось в галоп. Не успела я окликнуть его, как поднялось высокое облако пыли, а когда осело, на дороге оказались лишь гвардейцы.

Меня трясло, хотелось выскочить из экипажа и бегом догнать виконта, чтобы извиниться, сказать, что я не то имела ввиду, что я просто устала и не понимаю, что несу, но статус леди Черной Пустоши приковал к сидению тяжелыми кандалами. Оставалось заламывать руки и тихо стонать в ладони.

Когда дормез остановился, я, не дожидаясь, пока кто-нибудь из гвардейцев откроет дверцу, выскочила и пробежала вперед.

– Где виконт? – спросила я у первого.

Тот поспешил спрыгнуть с коня, чтобы не быть выше леди, и вытянулся в струнку.

– Велел разместить вас на постоялом дворе в этой деревне.

Он кивнул на домики, аккуратным кругом расположенные вокруг дома с остроконечной крышей, напоминающего молельный. Между ними играют дети под неотрывным прищелкиванием тучной женщины. На окраине постоянный двор с конюшнями и кузницей, от которой к нам направляются трое в траурных одеждах. Те, что по краям несут кувшины, а центральный – пирог на белом полотенце.

Я оторопело оглядела идущих и снова обратилась к гвардейцу:

– А сам виконт? Где он?

– Ускакал, – ответил гвардеец.

– Куда? – ошарашено спросила я. – Куда он ускакал?

Гвардеец кивнул и сказал:

– По дороге, миледи. Да так быстро, будто коня овод укусил.

У меня закружилась голова и, если бы не крепкая рука гвардейца, которая подхватила под локоть, позорно упала бы перед тремя деревенскими жителями, которые успели подойти, пока выспрашивала о виконте.

Они разом поклонились. Тот, что в центре протянул пирог со словами:

– Славная леди Черной Пустоши, ваша светлость, миледи Сварт примите наш скромный дар и почтите своей милостью нашу деревню. Примите нашу скорбь, ибо мы скорбим с вами.

Он снова поклонился и двое других вместе с ним. Я ошалело тарасилась на них, не зная, как себя вести и мысленно ругая себя за длинный язык, из-за которого сейчас виконт неизвестно где, а мне некому подсказать, что делать с подданными.

Селяне всё стояли, согнувшись пополам, протягивая мне пирог и кувшины, а гвардейцы смотрели бесстрастно, устремив взгляды вперед, словно выточены из камня и созданы лишь для защиты и нападения. Я покрутила головой в поисках подсказки, но вокруг только деревня, лес и дормез.

– Спасибо... – протянула я. – Благодарю за вашу скорбь и прием. Можете подняться.

– Не смеем, – проговорили селяне, глядя в землю.

Эта ситуация начала меня нервировать, а от беспокойства за виконта во рту пересохло.

– Я леди Черной Пустоши, – проговорила я, косясь на дорогу, по которой, если верить гвардейцу, ускакал де Жерон, – и прошу вас подняться. Мне необходима комната в вашем постоялом дворе. Для меня, моих гвардейцев и... Виконта де Жерона.

Селяне, наконец, выпрямились. Лица сияют, будто узрели лик самой Роксоланы Бесстрашной. Тот, что в центре, смущенно протянул мне пирог, пришлось отщипнуть и положить в рот кусочек.

Запоздало мелькнула мысль, что мистрис Одли не одобрила бы такого, а Бенара сама попробовала бы прежде, чем позволять мне. Но лица у селян были такими открытыми, что не поверить оказалось сложно. Тем более, что истинное зрение говорило, эти люди искренни.

Меня в сопровождении гвардейцев, которые обступили так, что даже не смогла разглядеть деревенские дома, отвели в постоялый дом. Хозяин, которым оказался человек, подносивший пирог, принялся бегать и хлопотать, отдавая приказы детям, слугам, и всем, кто попадался под руку.

Когда меня в окружении все тех же гвардейцев, которые так и остались вокруг плотным кольцом, усадили за стол и

принялись потчевать пирогами, запеченными в печи утками в яблочной подливке, компотами и пирожками, я растерянно улыбалась и косилась на дверь. Все ждала, что сейчас появится виконт, и я испытаю ни с чем не сравнимое облегчение. Но время шло, блюда на столе множились, а виконта все не было.

– Скажи, – обратилась я к гвардейцу, который был ближе всех, – виконт не сообщил, куда и на сколько уехал?

– Нет, миледи. Господин виконт не отчитывается.

– Что ж за напасть такая... – прошептала я, а потом добавила громче: – Честные селяне, скажите, есть ли в вашей деревне молельный дом или юдоль жрецов?

По дому прокатился одобрителный шепот о том, что миледи желает вознести молитву по покойному принцу.

Хозяин постоянного двора вышел вперед и, поклонившись, проговорил:

– Как же не быть? Есть, ваша светлость. В самом центре деревни молельный дом и нефритовая чаша. Простите нам скромность нашу, комнаты нефритовой, как у вас в замке, нет. Но чаша из настоящего нефрита.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Я действительно хотела бы посетить молельный дом.

Под одобрителные охи, вздохи, причитания и попытки прикоснуться к краю моего платья, как к настоящей святыне, я, в сопровождении гвардейцев, приблизилась к молельному дому.

После гигантских замков, анфилад и храмов Города-крепости, эта молебная показалась кельей жрецов, которые решили соблюдать обеты скромности. После длительных уговоров и приказов гвардейцев удалось оставить снаружи. Когда вошла, действительно обнаружила нефритовую чашу в середине комнаты, позади алтарь, а на потолке цветной витраж, что для этой деревни, по всей видимости, небывалая роскошь и гордость.

Только теперь смогла дать волю чувствам, и они горячими дорожками потекли по щекам. Я даже не пыталась их вытирать, просто рыдала, ругая себя за глупость, бестактность и болтливость, из-за которых виконт может быть сейчас где угодно. А когда вспомнила кровавые следы на дереве и клочки волос, я застонала.

Плохо соображая и подбежав к нефритовой чаше, я стала наперебой бормотать все прошения, какие помнила. Когда это не принесло успокоения, решила, что надо действовать более храбро. В охотничьем доме виконт был сам не свой и готов был отбыть на Звезду следом за братом даже не раздумывая. А сейчас, после моих необдуманных слов, вокруг древний лес, из которого мало кто вернулся.

– Пресветлые боги... – выдохнула я, расширяя глаза от ужасной догадки.

Прежде, чем успела взвесить все за и против, я уже лезла в окно на другой стороне молельного дома, где нет гвардейцев.

Выбравшись из него, я огляделась, а убедившись, что во-

круг никого нет, бросилась к древнему лесу, откуда виконту без магии не выйти.

Глава 6

Я бежала, забыв о безопасности, о том, что меня могут увидеть, и я навсегда опозорю славное имя леди Сварт. Но в голове пойманной птицей билась мысль о том, что виконт где-то там, снова разбивает голову о стволы, помышляя о малодушии.

Как выбралась из деревни незамеченной – известно только богам, но, когда передо мной возникла стена из темных деревьев, я застыла. Лес снова смотрел на меня сотнями глаз, и от этого кожа покрылась крупными мурашками. Можно было войти с дороги, но до нее около двухсот метров, а на открытом пространстве гвардейцы непременно заметят, обступят и отправят обратно на постоянный двор. А Виконт де Жерон же погибнет в этом жутком лесу, если верить его же словам. Сама мысль об этом заставляла руки трястись, а язык пересыхать.

Сделав несколько глубоких вдохов, я подняла юбки и осторожно пересекла границу леса. Едва сделала шаг на ту сторону, воздух поменялся, стал плотным и наполненным, будто между внешним и внутренним миром стоит невидимая преграда. Лес потемнел, укрывшись плотными кронами. От сырости и запахов мха вперемишку с дерном в носу защекотало. Я попыталась сдержаться, но свербело все сильнее,

и я чихнула.

От звука с соседних кустов взлетели птицы и, громко хлопая крыльями, упорхали куда-то выше. Я находилась всего в метре от границы леса и остального мира, но деревья стоят так плотно, шевеля огромными ветками, что кажется, стою в самой чаще.

Нервно сглотнув, я снова шагнула, стараясь выбрать место, где нет травинок, веток и грибов.

– Виконт? – шепотом позвала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.